

БЕСТСЕЛЛЕР В МИРЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРОЗЫ
ИЗДАНИЕ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Мой лучший враг

18+

ЭЛИ ФРЕЙ

#ONLINE-бестселлер

Эли Фрей

Мой лучший враг

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фрей Э.

Мой лучший враг / Э. Фрей — «Издательство АСТ»,
2015 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-147666-3

В детстве он дарил мне конфеты, рисунки и улыбки. Он обожал свою маленькую подружку и никому не позволял обижать меня. А потом я совершила один непростительный поступок. Теперь того милого и доброго мальчика, с которым мы были так близки в детстве, больше нет. На его месте – злобное чудовище, не знающее ни любви, ни жалости. И он не успокоится, пока не отомстит и не уничтожит меня. Это роман о трогательной дружбе двух подростков, о предательстве и бесчеловечной жестокости. История о борьбе двух противоположностей и бунте, который навсегда изменит их судьбы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147666-3

© Фрей Э., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	32
Глава 4	40
Глава 5	45
Глава 6	51
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эли Фрей

Мой лучший враг

Серия «Интернет-бестселлеры Эли Фрей. Новое оформление»

Дизайн обложки Екатерины Елькиной

Иллюстрация на обложке Варвары Железновой (icequeeen. art)

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Эли Фрей, 2022

© Варвара Железнова, иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Эту книгу я посвящаю:

моим любимым маме, папе, свекрови...

И твоим родителям, дорогой читатель

Зверек трусливый, юркий, кроткий,

Зачем играешь со мной в прятки?

Дрожишь, боясь моих нападок,

За шкурку жалкую свою.

Не трепещи. Тебя лопаткой я не забудю.

Роберт Бернс¹,

«Полевой мыши, гнездо которой разрознено моим плугом».

¹ В переводе автора.

Пролог

«Прежде чем вырыть яму, распили эти чертовы решетки».

Это первая моя мысль, когда я открываю глаза.

Белый потолок, свет невыносимо яркий. Постойте-ка. Я открываю глаза... Или один глаз? В ужасе хватаюсь за лицо, ошупываю его. На левом глазу – повязка. Что за черт?

Я в больнице, судя по запаху лекарств и хлорки. Что? Что с моим лицом? Меня охватывает паника, в голове – тысяча вопросов. Вернется ли зрение? Какую операцию мне сделали? Где все? Где врач? Я хочу, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь объяснил!

На мне – свободная пижама. Я узнаю ее. Очевидно, в больнице уже побывала бабушка и принесла мои вещи, передела меня. Делаю попытку встать – не получается. Но лежа я не вижу ничего, кроме потолка. Закрываю глаза. Странное ощущение; тело словно каменное – тяжелое и не способное двигаться. Но это длится недолго, накатывает боль. Болит все. Пульсирует левая рука. Я смотрю на нее – два неровных бордовых кружка красуются чуть выше запястья. Ожоги от сигарет. Я помню, откуда они, помню все.

Во рту мерзкий привкус тухлятины... Шарю рукой по сторонам. Что я ищу? Воду... В рюкзаке точно должна быть бутылка с водой, но я его не вижу. Ошупываю гладкую поверхность тумбочки, потом расслабляюсь. Пытаюсь вспомнить последнее, что было до больницы: я лежу на холодной земле, надо мной плавно качаются верхушки сосен. Тошнит. Колотится сердце. В животе взрывают урановые бомбы – обычная реакция на алкоголь. Что в меня влили? Перед глазами мелькают две таблетки, которые *Чудовище* кинуло в бутылку. А потом заставило меня выпить это.

Открываю глаза. И снова белый потолок.

«Я уничтожу тебя», – мягкий хриплый голос звучит в голове снова и снова. Это последние слова, которые я помню. А потом *Чудовище* бросило мне в лицо горящие угли.

Во рту сухо. Я провожу языком по шершавым губам и прислушиваюсь к себе. Что со мной сделали? Изнасиловали? Что должно чувствоваться, когда лишаешься девственности? По рассказам – боль в животе и промежности, но я ничего не чувствую. Я залезаю рукой под пижаму и провожу между ног – никаких ощущений. Осматриваю руку – никакой крови. Ошупываю грудь – она слегка ноет. Я пытаюсь сесть. С третьей попытки это удается. Осматриваю палату: здесь четыре больничные койки, три, включая мою, заняты. На одной сидит женщина и читает книгу. Заметив, что я очнулась, она встает.

– Я позову кого-нибудь, – говорит она, выходит из палаты, а вскоре возвращается в компании медсестры.

И моей бабушки. И мамы. И отчима. Я заливаюсь краской – мне не очень-то приятно сейчас такое многочисленное общество. Но хорошо, что они хотя бы не додумались взять с собой соседей.

Бабушка и мама кидаются ко мне.

– Тома, Томочка, с тобой все хорошо, – щебечут они, глядя меня по голове.

– Что? Что с моими глазами? – спрашиваю я и хватаюсь за повязку. Голос выходит каким-то слабым и хриплым.

– Не беспокойся, с глазиком все в порядке. Небольшой ожог. Зрение не пострадало. – Мамин голос срывается. Она вот-вот заплачет.

Слова меня успокаивают. Но почему-то противно смотреть на все эти обеспокоенные лица. И я отворачиваюсь.

– Расскажи нам, что произошло? Мы решили, что на тебя кто-то напал, и ... – мама смущается, – и... что он мог изнасиловать тебя. Поэтому когда тебя привезли, то сразу же обследовали, а то мало ли... Но, слава богу, этого не случилось. Все хорошо...

Мама заливается слезами. Чтобы не видеть этого, я смотрю на отчима, спрашиваю взглядом: «Какого черта вы ее привезли?».

«Извини», – говорит ответный взгляд. Отчим виновато пожимает плечами. Я вздыхаю. Лучше бы приехал дедушка, он бы развлекал меня шутками и байками. Последнее, что мне сейчас нужно, – смотреть на чужие слезы. Это невыносимо.

– Воды, – прошу я, и мне тут же вручают стакан. Я осушаю его в два глотка, но мерзкий привкус не исчезает. Во рту по-прежнему сухо, горячо и противно.

Нужно придумать, что ответить на их вопрос. Они все ждут мою историю. Кто на меня напал? Всем им придется что-то объяснять. Что угодно, только не правду.

Ведь нельзя признаваться, что это сделал Стас.

Тот самый Стас, с которым мы вместе пошли в первый класс и сидели за одной партой; с которым собирали землянику в лесу, а ясными вечерами, лежа на крыше моей терраски, открывали в небе новые Вселенные. Этот мальчик бывал у нас в гостях так часто, что успел стать членом семьи.

– Я не знаю, кто на меня напал, – качаю я головой. – После выпускного мы с друзьями встречали рассвет на заброшенном мосту. Потом разошлись, я пошла домой через лес...

– Лес? – Мама смотрит испуганно. – Зачем тебя понесло в этот ужасный лес? Там одни маньяки! В прошлом году там девочку убили! – По ее щекам все еще текут слезы.

– Я просто хотела сократить путь. В лесу я наткнулась на незнакомую компанию. Их было человек пять... Одни парни. И у них был костер. Они подошли ко мне, что-то спросили. Я не помню, что я им ответила.

Мама плачет все отчаяннее.

– Сколько можно тебе твердить? Нельзя разговаривать с незнакомыми!

– Оля, – резко обрывает дядя Костя, – дай ей закончить.

Я продолжаю выдумывать историю на ходу. Она не выдерживает никакой критики, с импровизацией у меня всегда было туго... но выбора нет.

– Они сначала показались мне довольно милыми. Но я сразу хотела уйти, и тогда...

Тогда – что? Я судорожно пытаюсь что-нибудь придумать. Не получается, и я начинаю всхлипывать. Родные думают, что это срыв. Что мне больно об этом говорить.

– Они напали, – с трудом произношу я, – и силой заставили меня выпить какую-то дрянь, чтобы я, наверное, отключилась...

Звучит довольно неправдоподобно. Я замолкаю. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом, я бы подумала, что девочка познакомилась с парнями и напилась. А потом они утащили ее в лес и...

Но это действительно было, все так и стоит перед глазами. Стас кидает в бутылку две таблетки. Требуется, чтобы я выпила, а я отказываюсь... Он смотрит по-доброму, почти нежно... а потом тушит сигарету о мою руку, запах паленой кожи заглушает боль, и...

С трудом справляюсь с воспоминаниями и жестом показываю, что сегодня больше не могу об этом говорить. Мама гладит меня по голове.

– Все хорошо, дочка. Они не успели ничего тебе сделать. Пара царапин... Отметины на руке... Ожог на глазике. А что было в конце? Они отпустили тебя? Ты убежала?

– Я не помню, – вру я. Пусть думают, что потеря памяти у меня от шока. Когда они уйдут, я придумаю своей истории логичный конец.

– Мы обратимся в полицию. Этих ублюдков поймают. – Мама обнимает меня и начинает качать, как маленькую.

Полиция? Нет! Ни за что. Но пока я молчу. Потом. Я скажу маме, что не буду писать заявление.

– Как долго я здесь лежу?

– Тебя привезли утром. Сейчас вечер, – отвечает бабушка.

– Ладно, родственнички. Больной нужен отдых, – недовольно говорит медсестра. – Вы и так ее замучили. Давайте-давайте по домам. Прощайтесь. А я пойду за капельницей...

– Капельница? – пугаюсь я. – Зачем?

– Не паникуй. Там витаминчики. Глюкоза. Промоем твою кровь от дряни. Тебе полегче станет. – Она ободряюще улыбается и выходит из палаты.

Бабушка с мамой целуют меня. Говорят ласковые слова. Прощаются. Дядя Костя хлопает меня по плечу. Мама обещает:

– Мы придем завтра, не скучай.

Они уходят из палаты, и я выдыхаю от облегчения. Не то чтобы меня угнетало их общество, но сейчас... сейчас предстоит все обдумать. А для этого нужно уединение.

Входит медсестра, везущая за собой капельницу. Эта штукавина сильно смахивает на вешалку для одежды. Наверху прикреплен стеклянный флакон с прозрачной жидкостью и еще какой-то пластиковый пакет.

– А мне не будет больно? – спрашиваю я.

– Как укус комарика, – уверяет медсестра, протирая мокрой ваткой сгиб моего локтя.

Я смотрю, как иголка входит в кожу. Из пластикового мешочка к моей руке тянется тонкая трубочка; где-то посередине этой трубочки находится маленький прозрачный цилиндр, из которого по капельке стекает вниз прозрачная жидкость. Почему-то цилиндр напоминает мне песочные часы.

– Когда здесь останется совсем чуть-чуть, – медсестра показывает на цилиндр, – поверни колесико.

Я киваю и, когда она уходит, откидываюсь на подушку. Закрываю глаза. Мне нужно о многом подумать. И снова чужой голос в голове шепчет:

«Прежде чем вырыть яму, распили эти чертовы решетки».

– Яма, – говорю я, но с губ срывается лишь слабый шепот.

* * *

Яму я обнаружила еще весной, когда мы в очередной раз убежали.

«Мы» – это я и мои друзья по несчастью: Ромка, Серега и Антон. Вместе мы составляем клуб жертв Стаса Шутова и его чудовищной компании. Койоты – так они себя называют.

Убегая, мы разделились, я ринулась в лес и оказалась в заброшенной промзоне. Там и была яма, частично засыпанная землей и обломками бетона. Сверху ее закрывала железная решетка, толстые прутья которой врезались в землю.

Я запомнила это место и потом привела сюда друзей. Мы приходили к яме еще несколько раз. Она притягивала нас, как магнит.

Мы все думали об одном и том же. Яма могла бы стать идеальной ловушкой. Но, увы, такой она осталась только в наших мыслях, а в реальности оставалась просто ямой.

За время, проведенное вместе, мы в своем клубе стали действовать довольно слаженно, научились многим вещам: как правильно убегать, как становиться невидимкой, как сливаться со стеной, как отключать мозг, пока тебе причиняют боль. Последний пункт – самый сложный. Каждый справлялся по-своему.

Я вот училась у Сереги. Его Койоты всегда «любили» больше других – может, потому что ему тринадцать, он младший из нас. А может, им не нравилась его улыбка до ушей. Теперь эта улыбка особенно красивая: после того, как Стас однажды ткнул его лицом в бетонную плиту и вышиб зуб. Серега, кстати, ничуть не огорчился, даже наоборот. Через эту дырку он научился круто плевать и свистеть.

– Как ты отключаешься от боли? – однажды спросила я его.

– Нужно считать, – ответил он. – Про себя. Раз-два-три... Обычно все заканчивается, когда я дохожу до восьмидесяти. Но один раз я дошел до двухсот пятидесяти... Если тебе не подходит счет, то можно просто думать о приятном.

– О приятном? – переспросила я.

– Да. О приятном. Я обычно думаю о белках. Белки – они вроде приятные.

«Слова режут острее ножа». Это придумали ванильные людишки, которые не сталкивались с настоящей болью. Они знают, что такое разбитое сердце, но даже не подозревают, что такое разбитый нос. А ведь нет ничего хуже физической боли. Никакие моральные страдания не сравнятся с физическими. Такая боль пронзает, ослепляя и оглушая. Твоя температура может подскочить до сорока градусов и тут же упасть до тридцати пяти. По всему телу выступает пот. Ты кричишь, но не слышишь себя; ты теряешь дар речи. Когда тебе жгут кожу, ты извиваешься, как червяк. Железная рука сдавливает твои легкие тисками. Ты не можешь дышать. Все чувства вдруг обрываются, ты ощущаешь только жгучую боль и слышишь смех. Их смех. Они питаются твоей болью.

Я всегда жила словно короткими перебежками, как на войне. Не знала нормальной жизни. Но сейчас голос в голове напоминает мне о яме. Он говорит, что у меня есть выход.

Я смотрю, как из цилиндрика в трубку попадают последние миллилитры жидкости. Поворачиваю колесико. Вскоре медсестра резким движением вытаскивает иголку, но грустные воспоминания так овладевают мной, что я даже не замечаю ее появления.

– Тебе нужно поспать, – говорит она.

– Когда мне снимут повязку? – спрашиваю я. Мне не терпится узнать, как теперь выглядит мое лицо.

– Через пару дней.

Когда медсестра уходит, я закрываю глаза. В голове мелькают воспоминания – о семье, о детстве. О Стасе. Все образы необыкновенно яркие, вспыхивают друг за другом и загораются подобно лампочкам на елочной гирлянде.

* * *

Я просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо – соседка по палате, та женщина с книгой. Она улыбается.

– Просыпайся! Медсестра сказала тебе сдать мочу. И кровь. Натощак.

Я поеживаюсь. В больнице я лежала один-единственный раз, с почками. Это было полгода назад, а ощущение, будто только вчера. Правда, в тот раз я лежала в детской, в отделении урологии. Сейчас меня поместили во взрослую, в отделение травматологии, смежное с урологией – в палате лежат пациенты обоих отделений.

Я иду в процедурную. Медсестра проверяет мой глаз – отодвигает повязку, потом поправляет обратно.

– Можно хоть посмотреть? – прошу я.

– Сейчас рано. – Она качает головой. – Но у меня для тебя хорошая новость. После обеда тебя посмотрит врач, возможно, снимет уже насовсем.

Я выдыхаю. Залепленный глаз меня изрядно напрягает.

– Зачем вообще залеплять ожог? – спрашиваю я. – Только хуже ведь...

– Пластырь не соприкасается с поврежденной кожей. Заклеили то, что вокруг, чтобы инфекция не попадала. Создали воздушную подушку, чтобы подсыхал.

Я киваю. Медсестра втыкает в меня иголку, и я недовольно морщусь:

– А зачем сдавать кровь и мочу? Со мной же все в порядке.

– Никто не знает, сколько ты пролежала на сырой земле. Может быть, ты простудилась. Нужно понять, нет ли воспаления.

Чувствую я себя не очень хорошо – знобит. Наверное, я все-таки простудилась. Правда, сколько я пролежала в лесу? Кто меня нашел? Последнее, что я помню, лицо Стаса.

«Думаю, ты не захочешь помнить о том, что мы с тобой сделаем. Поэтому просто выпей это». Потом горящие угли. Его голос: «Я уничтожу тебя». И больше ничего... Он бросил меня там, в лесу? А потом меня нашел какой-нибудь случайно проходивший мимо грибник? Надо спросить у родных о моем чудесном спасении.

Я возвращаюсь в палату. У меня две соседки: женщина, с которой я немного успела пообщаться, и девушка чуть постарше меня.

Раздается звон колокольчика. Полгода назад, лежа в больнице, я слышала точно такой же. Похоже, зазывают на завтрак. Я выхожу в коридор, держа тарелку и чашку. В конце – очередь. Толстая женщина в белом чепчике охраняет тележку, на которой стоят два ведра. Каждый подходит к ней, она плюхает в тарелку кашу и масло, в кружку наливает чай.

Я дожидаюсь своей очереди и возвращаюсь к себе. Сажусь на свою кровать, ставлю посуду на тумбочку. Соседки разговаривают, а я ем молча. Мне не хочется общаться.

После завтрака я немного оживляюсь. Беру телефон – тридцать шесть пропущенных вызовов. Двадцать пять – от моих мальчишек. Я пишу им, что со мной все хорошо и чтобы не волновались. Телефон тут же звонит. Я отвечаю на вызов.

– Мы к тебе придем! – звонко кричит в трубку Серега.

– Нет, не надо, – отбиваюсь я, нервно перебирая пальцами прядь волос. – Я выгляжу не очень... Не хочу пугать.

Это правда. Врач придет после обеда, значит, когда заявятся мальчишки, я все еще буду с уродливой повязкой на глазу. Они меня засмеют. Придумают всякие клички, а потом за ними подхватят другие. Нет уж!

Я слышу какое-то шебуршание и мягкий голос Ромки вдалеке:

– Дай сюда.

И снова шебуршание. Видимо, Рома перехватывает трубку.

– Привет, гасконец! – весело говорит наконец он.

– Привет.

– Мы придем.

– Нет.

– Не спорь. Тебя все равно никто не спрашивает.

– Я не скажу номер палаты.

– Ха! Ты думаешь, это нас остановит? Мы найдем тебя везде. От нас не спрячешься.

– Но я выгляжу... – начинаю повторять я.

– А когда ты выглядела очень? Я что-то не припомню, – хохот в трубке.

Не знаю, обидеться мне сейчас или засмеяться. Наверное, последнее. В этом все мои друзья – что бы ни случилось, они никогда и никого не пожалеют, наоборот, будут смеяться и подкалывать. Они не склонят надо мной обеспокоенные лица – они будут ржать. А все почему? Потому что им доставалось от Стаса в свое время столько же, а то и побольше. Они закалились, принимая все происходящее как само собой разумеющееся.

– Ладно, давай только без этого, – морщусь я.

Опять хохоток в трубке.

– Ну что? Говори номер палаты.

– Сорок первая. Четвертый этаж. Отделение травматологии.

– Окей, Томас. Жди нас.

Рома отключается, не дождавшись ответа. Мне почему-то становится холодно, и я надеваю вязаную кофту с капюшоном. Убираю телефон. Смотрю в окно. Асфальтовые тропинки, редкие деревья, люди в белых халатах. Женщины в домашней одежде не спеша гуляют по дорожкам. Унылое зрелище, поскорей бы свалить отсюда.

– Пора пить лекарства! – Вошедшая медсестра протягивает мне железный лоток с медикаментами.

Я беру две желтые таблетки. В моей моче нашли инфекцию. Видимо, я пролежала на земле слишком долго, но все пока не так серьезно, чтобы пить антибиотики. Поэтому пропи-сали фурагин. Кажется, в прошлый раз, когда я лежала в больнице, то тоже его пила.

Запиваю водой. Медсестра, раздав таблетки моим соседкам, уходит, а я снова отворачи-ваюсь к окну. Думаю о том, какие клички дадут мне парни. Вот бы врач успел снять чертову повязку до них! Хотя неизвестно, может быть, под ней все гораздо хуже и лучше мне оставаться с залепленным глазом.

Так и получается: друзья приходят раньше врача.

– Тук-тук, гасконец, ты здесь? – слышу я за дверью бодрый голос Сереги. – Можно войти? Голых нет?

Я смотрю на соседок по палате. Одна спит, вторая читает. Наверное, не стоит пускать гостей – они будут орать и всем мешать. И я сама выхожу за дверь.

Три пары глаз удивленно смотрят на меня, а я – на ребят. Я не видела их всего пару дней, а как будто прошла вечность. У Сереги отросли волосы? Он маленький, худенький, а голова огромная и сейчас из-за торчащих медно-русых прядей кажется еще больше, напоми-нает огромный одуванчик. Он широко улыбается. Сквозь дырку в передних зубах виден кон-чик языка.

Рома как будто повзрослел. Еще больше раздался в плечах. Куда-то пропали его щеки, вместо них – четкие квадратные скулы. Самое броское в его внешности – чересчур короткие брови, от каждой из которых будто осталась половинка, и полоска шрама между ними.

Нижняя челюсть Антона стала еще больше и сильнее выдается вперед. Узкое лицо вытя-нулось, а зубы стали еще крупнее. Он похож на осла из «Шрека».

Несколько секунд парни смотрят на меня молча. А потом начинают ржать.

– Эй, потише там! – цыкает на нас медсестра со своего поста. Чтобы нормально пооб-щаться, лучше уйти от нее подальше.

Мы проходим в конец коридора. Здесь у окна стоят два кресла, а вдоль стены – лавочка. На полу – цветы в треснутых горшках. Я сажусь в кресло; Серега запрыгивает на подоконник; Рома занимает второе кресло, а Антон – лавочку. Их ржание не прекращается. Я терпеливо жду.

– Ох, Томас, ну ты нас и повеселила! – заливается Рома.

– Ты теперь не гасконец, – Серега заикается. – Не мушкетер. Ты пират! Гроза морей!

Новый взрыв смеха.

– Одноглазый Том!

– Томас Ромовый Живот!

– Деви Джонс!

– Черная борода!

– Томас Дырявый глаз!

Клички сыплются на меня одна за другой.

– Давайте, смейтесь-смейтесь над больными и убогими, – ворчу я.

– Да ладно, Том. – Рома хлопает меня по плечу. – Не ссы. Ты все еще гасконец. Мы все еще в команде мушкетеров, а?

– Конечно. Д’Артаньян и три мушкетера, – вздыхаю я.

– Ну вот! – улыбается Рома.

И я все-таки сержусь.

– Эй! Вы даже не спросите, что именно произошло? Почему у меня нет глаза?

Лица парней мигом становятся серьезными. Серега тихо говорит:

– Мы еще вчера к бабушке твоей ходили, она нам рассказала все. Ну, не все, конечно, но главное. Что с тобой ничего серьезного. А это самое важное.

– Ничего серьезного! – Я показываю на свой залепленный глаз. – Это так теперь называется? И вот это? – Я задираю рукав кофты и показываю на ожоги.

– Ой, ну давайте теперь шрамами померяемся, – наигранно возмущается Серега. – Я вас всех сделаю! Ни у кого из вас нет наполовину поджаренного бока! А у меня есть, хотите, покажу?! – Он начинает задирать рубашку. – Поджарили, как свинью!

– Мы сто раз видели твой бекон, – отмахивается Рома.

Я хихикаю. Смешно и грустно одновременно. Года два назад, еще до моего появления в компании, Стас подпалил Сереге кожу на боку, и теперь вдоль его ребер красуется огромный шрам. Рома шутливо называет Серегу пол-Пятачка. Или полпорции бекона. Кроме нас, никто не знает, что это сделал Стас. Родителям Серега сказал, что упал в костер.

– Ну, в общем, бабушка твоя сказала, что с тобой все хорошо, – возвращается к теме Рома. – Что тебя скоро выпишут. А что до подробностей этой истории... – Он качает головой. – Думаю, это вопрос риторический.

Я киваю.

– Сама хочешь что-нибудь рассказать?

Качаю головой.

– Ну, вот поэтому мы и не спрашиваем. Мы никогда не спрашиваем о таких вещах. Захочешь – сама расскажешь.

Киваю. Да. Главное правило – ни о чем не спрашивать, принимать все так, как есть.

По коридору кто-то идет – шаги словно ударяются о стены глухим эхом. К нам подходит медсестра:

– Тамара, там врач пришел. Марш в палату.

Я обрадованно вскакиваю с места и сообщаю друзьям:

– Мне повязку будут снимать!

– О, круто! А нам можно будет посмотреть? – спрашивает Серега.

Я пожимаю плечами, и к палате мы проходим все вместе. Друзья сначала неуверенно топчутся на пороге, но потом решаются зайти внутрь. Врач осматривает моих соседок. Я ложусь на койку. Мушкетеры обступают меня со всех сторон.

– Эй, парни! Чего вас так много? У нас тут не футбольный клуб! – ворчит врач.

– Мы с Томой. Мы команда поддержки! – бодро отвечает Серега.

– Ну, если поддержка, то ладно. Лежи смирно, – последнее он говорит мне.

– А мне не будет больно?

– Я повязку снимаю, а не глаз выкалываю! – снова ворчит врач.

– Ну, мало ли...

Он дотрагивается до моего лица, отлепляет марлю – слой за слоем. Местами все-таки больно – там, где кожа к ней прилипла.

– Ну, вот и все! – говорит наконец врач. – Чудесный глаз! Краснота скоро спадет, и будет вообще хорошо! Сегодня тебя выписываем. Когда придут твои родители?

Я пожимаю плечами.

– Обещали к двенадцати. А уже два.

– Значит, скоро будут. – Врач смотрит на часы. – Я с ними обо всем и поговорю...

– О чем? – настаиваю я.

– Ну, там, чтобы забрали все снимки, справки для заявления в полицию...

Я сглатываю. Полиция. Нет. Ни за что.

Мне очень хочется, чтобы врач побыстрее ушел и можно было посмотреть в зеркало на свое лицо. Он будто слышит мои мысли:

– Ну? Долго лежать будешь? Иди к зеркалу.

Я поворачиваюсь к друзьям и вопросительно смотрю на них, но они пожимают плечами. Я осторожно встаю с койки. Медленно подхожу к раковине – над ней висит маленькое мутное зеркало. Я смотрю... и вижу чужое лицо.

Нет, вроде бы ничего не изменилось: те же полные губы, высокий лоб, круглые глаза, волосы цвета мокрой пыли. И все-таки что-то не то... Я смотрю на левый глаз. Как будто кто-то потянул за уголок века вниз, зафиксировав его в этом положении. Глаза стали асимметричными. Ресниц на нижнем веке практически нет.

– Конечно, строение немного изменилось, – говорит врач. – Если тебя будет сильно напрягать шрам, можно сделать подтяжку. Операция ерундовая, в любой косметологии сделают. Просто подтянут кожу века немного вверх и все.

Врач уходит. А я все еще смотрю в зеркало.

– Ну как я выгляжу? – спрашиваю я друзей. Дотрагиваюсь пальцем до века, оттягиваю кожу вниз, потом вверх. В этом месте она теперь совсем другая, непривычно тонкая. Не моя.

– Хм... – задумываются парни. – Немного непривычно. Но не так уж плохо.

Я отхожу от зеркала. Сажусь на койку. Снова дергаю веко – вверх и вниз. Вверх и вниз. Рома бьет мне по руке и строго говорит:

– Да не дрочи свой глаз, а то совсем вывалится!

Я послушно убираю руку. Но так и хочется снова потрогать веко.

Я смотрю на друзей. У каждого из нас теперь есть отметина, клеймо Стаса. У Сереги дырка в зубах и обожженный бок. У Ромы тонкая полоска шрама между бровями. У Антона сломанные пальцы, которые торчат в разные стороны рогатиной. У меня не было никакого особенного шрама, а теперь вот появился. Я не знаю, как на это реагировать.

Как к этому относятся родители? С ужасом, конечно, но они даже не думают, что кто-то мог такое сделать... намеренно. Мы умеем их обманывать. Мы еще дети... Подростки. Любим лезть, куда нельзя. Любовью к приключениям легко объяснить все наши шрамы.

Друзья садятся ко мне на койку.

– Батя говорит, что, когда он на войне был, ему пуля попала в глаз и вышла через ухо, – с умным видом вещает Рома.

Я усмехаюсь. Батя Ромы – человек-легенда, мы все время слышим про него много странных историй. Все задумываются. Серега пальцем в воздухе чертит траекторию воображаемой пули и уверенно возражает:

– Не, брешет. Нет такой прямой, чтобы можно было войти в глаз и выйти через ухо. Да и еще чтобы глаз остался целым. А у твоего бати он целый.

Дальше мы переводим тему разговора. Болтаем о нейтральном.

– Хочешь, фокус покажу? – спрашивает Серега. – У тебя есть ручки? Мне нужно много...

– Много нет, – говорю я. – Штуки две наберется.

– Эх, жа-алко, – огорченно протягивает он. – А то я бы тебе показал, сколько стержней могу в свою дыру запихать. У Игорька щель между зубов с детства, так он в нее трояк стержней запихивает. Я ему всегда дико завидовал. Зато сейчас, когда и у меня дыра появилась, знаешь, сколько туда стержней могу засунуть? Семь! – Серега гордо улыбается.

– Ты крутой, – усмехаюсь я. – Действительно великое достижение!

Друзья хихикают. Серега обиженно поджимает губы.

– Вы просто не понимаете! Вот если б у вас зуба не было, тогда б вы поняли, как это круто! Я свистеть знаете, как громко могу? И четыре ноты беру...

Он глубоко вдыхает. Ромка тыкает ему пальцем в живот. Серега сдувается, как воздушный шарик.

– Эй, ты чего?

– Мы в больнице все-таки. Тебя сейчас выгонят, если ты свистеть начнешь.

– Ну ладно, тогда, когда на улице будем, я тебе покажу, – говорит мне Серега.

Я киваю. В палату входит медсестра.
– Скоро тихий час. Посторонних прошу удалиться.
– Ладно, мы пойдем. – Друзья встают с койки.
Рома хлопает меня по плечу.
– Не скучай, гасконец, сегодня уже дома будешь.
Я киваю. Они уходят.

Мама с дядей Костей приезжают за мной после тихого часа. Мама обхватывает ладонями мое лицо и целует, тоже говорит про подтяжку, но я лишь киваю. С наслаждением переодеваюсь в джинсы и рубашку. Надеваю кеды. Дядя Костя подхватывает мою сумку; мама на ходу засовывает в файл кучу справок и бумаг. Мы выходим на улицу. Я щурюсь от яркого света. Такое ощущение, что я месяц провела в мрачном подземелье. Дядя Костя открывает мне дверь машины, я сажусь в нее и прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

Дома меня встречают бабушка с дедушкой. Вся семья собирается за ужином. Щекотливую тему обходим стороной, все пытаются меня подбодрить. Дядя Костя рассказывает веселые истории. Я зачерпываю ложкой суп и смеюсь. Напряжение потихоньку покидает меня, все возвращается в свою колею.

Я ухожу спать. Ложусь на кровать, накрываюсь одеялом. Закрываю глаза, вдыхаю родной запах – и словно сверлом в голову врезаются воспоминания. Сильно прикусываю краешек одеяла, так что скрипит на зубах синтепон. Кричу. Кричу так, что вот-вот порвутся голосовые связки. Но одеяло во рту заглушает мой крик.

Я нахожу в себе силы прогнать воспоминания. Сейчас не до них. Сейчас не до ужаса, не до ярости и боли. Мне нужна холодная голова.

Замолкаю. Глубоко дышу. Считаю до пяти. Успокаиваюсь. Думаю.

Чем можно отпилить эти чертовы решетки? Мне нужна Яма. Я хочу похоронить там Чудовище.

Глава 1

Несмотря на крепкую дружбу, в детстве мы часто ненавидели друг друга.

«Хоть бы в пачке “Скиттлс” ему попалась апельсиновая, самая невкусная, конфетка. И чтобы он не вытащил ни одной виноградной» – худшее проклятие, которое мы могли обрушить друг на друга в то время. А теперь мы желаем друг другу смерти. Как сильно могут изменяться люди. И их отношение друг к другу.

Мой папа всегда хотел сына – так я стала думать года в четыре. Мы были счастливой полноценной семьей: я, родители, а если прибавить еще и бабушку с дедушкой, то сверхполноценной. Папу я любила больше всех – может, потому, что он разрешал есть перед сном шоколад, а может, по совсем другим причинам.

Двухкомнатная квартира в Москве, четырнадцатый этаж – здесь мы жили с родителями. А бабушка с дедушкой жили в небольшом подмосковном городке в частном доме, в часе езды от нас. Мы приезжали к ним на выходные.

Мама с папой познакомились в институте. В двадцать лет они поженились, и вскоре появилась я. Родители так и не закончили учебу: мама ушла в декрет, а папа, чтобы прокормить семью, устроился в магазин и стал торговать компьютерами. Сейчас мамина работа связана с финансами, а кем работает папа и как он вообще живет – не знаю. И не хочу знать. Бабушка печет торты на заказ. У нее дома всегда пахнет ванилью и карамелью. Дедушка – охранник при коттеджном поселке.

В четыре года мама стала спихивать меня бабушке на лето, а бабушка, в свою очередь, выпихивать меня во двор, чтобы я играла с другими детьми. И вот я в первый раз пришла на детскую площадку возле дома и вытащила игрушки – машинку, самолетик и гигантского робота-трансформера. Другие девочки тут же презрительно сморщили носики и почти хором заявили, что не будут со мной играть, пока я не вынесу на улицу свою куклу. А дело в том, что куклы у меня и не было. Одни мальчишеские игрушки.

Мама потом рассказывала, что куклы просто не вызвали у меня интереса. Мне нравилось то, что можно разобрать или заставить двигаться. Но во время девчачьего конфликта я серьезно перепугалась. Я не понимала, почему родители покупали мне игрушки для мальчиков. Может, они хотели сына, а получилась дочка? Эта мысль настолько засела в голову, что еще долгое время я специально не засматривалась в магазине на игрушки для девочек. Я делала все, чтобы быть похожей на мальчишку... и чтобы мама с папой не выкинули меня на помойку за ненадобностью. Я носила мальчишеские комбинезоны, упрашивала маму с бабушкой стричь меня как можно короче, отпихивала прочь платья.

С девочками подружиться так и не удалось. Зато в дружбе с мальчишками я преуспела. В то первое долгое лето у бабушки я и познакомилась со Стасом.

Однажды соседи затеяли стройку. Они заказали много песка, но использовали только часть, и с тех пор возле их дома возвышалась гигантская песчаная куча. Ее облюбовала вся местная детвора: на одной стороне девочки строили замки, а на другой мальчишки сооружали многоуровневую парковку. Меня, конечно, строить замки не позвали, поэтому я играла с мальчишками. Парковка выходила у меня лучше всех, мои уровни не рушились.

В тот день Стас тоже появился у кучи, помогал строить, но выходило у него плохо. Он разрушил всю нашу парковку! Я расстроилась: мы столько времени на нее убили, а пришлось начинать все заново. Стас тоже расстроился, он же не нарочно сломал. После этого он не пытался к нам присоединиться, только наблюдал. А потом, когда мы все достроили, он принес из дома с десяток машинок и раздарил нам. Мне он подарил самую красивую и загадочно улыбнулся. Так, будто тоже считал ту машинку лучшей и хотел, чтобы я это поняла. И чтобы между нами был секрет.

Какое-то время я не выделяла Стаса среди остальных ребят, даже несмотря на его подарок. Мы играли все вместе. Но через год или два он стал моим лучшим другом. Дело в том, что я часто придумывала разные сюжетные игры на воображение, и далеко не всем такое было интересно. Мальчишки предпочитали что-то попроще – мяч, прятки, салочки. А вот Стас приходил от моих игр в восторг, и так получилось, что мы стали отбиваться от компании и все больше времени проводить вдвоем.

Я презирала девчачьи вещи, чтобы не расстраивать маму с папой, но от единственного девчачьего пристрастия у меня отказаться так и не получилось – от любви к сказкам. В моей голове существовал целый мир с драконами и принцессами. Именно из-за любви к сказкам я научилась читать очень рано. Мне было стыдно просить папу почитать мне Белоснежку или Спящую Красавицу – вдруг решит, что им не нужна такая дочка? Поэтому сказки я читала сама. Но мне все равно безумно нравилось, когда читал папа. Я с удовольствием слушала его книжки – про домовенка Кузю, дядю Федора, Эмиля из Леннеберги, Винни Пуха. Папа читал мне много, но я отбирала только те книги, которые, по моему мнению, больше годились для мальчиков.

Пока я была совсем маленькой, я почему-то любила вставать рано утром, часа в четыре, и мне обязательно нужна была компания. Мама категорически отказывалась просыпаться в такую рань, и приходилось папе. Со мной нужно было гулять или играть, и сонный папа добросовестно это делал. Наверное, мы странно смотрелись на улице – четыре утра, папа ведет дочку за руку. Куда они идут? Зачем? Что за непутевый папаша! У приличных родителей дети спят в такое время!

Мы с папой строили замки из кубиков, играли в железную дорогу и запускали в ванной лодку на радиоуправлении. На улице он подхватывал меня на руки и подбрасывал в небо. Папа был очень высокий, я закрывала глаза и представляла себя ракетой, которую запускают в космос. А когда открывала глаза, сердце замирало от страха – настолько я была высоко.

У папы в кабинете стоял большой глобус, который я обожала. Часто вечерами папа усаживал меня на колени, я прижималась к нему, вдыхая запах сигарет и пены после бритья, гладила его щеки. А он показывал мне разные места, называл страны, моря и океаны.

– Покажи мне, что там, под нами, – однажды попросила я папу и посмотрела себе под ноги. Этот вопрос меня всегда интересовал: а что, если земля под нами вдруг разойдется, мы провалимся и выйдем на другую сторону планеты? Куда мы попадем?

Папа указал на глобус.

– Вот тут мы живем, а тут, – он показал на обратную сторону, – Тихий океан.

– Океан... – восторженно прошептала я, глядя на ярко-синюю область. Значит, если мы провалимся под землю, то попадем в океан. Но я не умела плавать! Как же мне быть?

И в то лето я попросила папу научить меня плавать. Я уже умела это делать с надувными нарукавниками – но ведь они не всегда со мной, а земля может разойтись под нами в любую секунду, и что я буду делать в Тихом океане без нарукавников? Я так перепугалась, что еще несколько дней разгуливала по дому в нарукавниках, чем очень веселила родителей. В то лето плавать без поддержки я так и не научилась, хотя папа был хорошим учителем, а я старалась быть хорошей ученицей.

Папа все время засматривался на соседских мальчишек: наблюдал, как они играют в футбол, носятся по улице, колотят друг дружку. Проходя мимо, он говорил им что-нибудь забавное, ласково трепал кого-нибудь за щеку, угощал яблоками и конфетами. А во мне кипела ревность. Я просила папу научить меня играть в футбол, но он лишь говорил: «Как-нибудь потом».

Я продолжала делать все, чтобы походить на мальчишку. Я просила маму покупать мне футболки не с пони и Барби, а с Человеком – Пауком и машинками. Я тайком залезала к папе в шкаф и надевала его костюмы, черным фломастером рисовала себе усы, а потом вбегала в гостиную, где сидели родители, и бодро выкрикивала, что я не Тома, а Мистер-Твистер. Роди-

тели смеялись до упаду. Но все это не помогло. Когда мне было шесть лет, папа бросил нас с мамой. Просто собрал вещи и ушел в неизвестном направлении.

Я ждала, что он вернется. Много вечеров я просидела у окна, вглядываясь в дорогу, вздрагивая каждый раз, когда кто-то проходил мимо. Может, это папа? Он все-таки появился, но лишь спустя месяц или два – пришел забрать оставшиеся вещи. Он молча сунул мне пачку мармеладок, собрал сумки и ушел. Уже навсегда.

Я ела по одной мармеладке в день. Казалось, пока они не кончились, папа все еще рядом; это последняя ниточка, которая связывает меня с ним. Под конец я давилась каменными мармеладками. Но папа так и не появился. Я бережно сложила пустую яркую обертку и спрятала под подушку. Казалось, так я сохраню «кусочек папы» при себе.

Я выдумывала папе разные оправдания и пыталась убедить себя в них. В шесть лет я верила, что он – добрый волшебник, который улетел в сказочную страну, чтобы избавить ее жителей от злой ведьмы. В десять – что он агент суперсекретной спецслужбы, ему дали ответственное задание и от него зависит судьба всего мира. В двенадцать я стала более-менее разбираться в отношениях между мужчиной и женщиной и наконец-то поняла, что мой папа – обыкновенный козел. Осознав это, я безжалостно уничтожила ту цветную обертку из-под мармеладок.

Мама недолго оставалась одна. Вскоре после ухода папы появился дядя Костя, полная противоположность папе. Невысокий и крепкий, с пышными усами и огромным носом-картошкой, он сразу мне понравился. Дядя Костя вскоре стал мне другом, с которым здорово посмеяться, но все же не отцом. Этого у него так и не получилось, правда, он и не пытался.

В московской квартире окна моей комнаты выходили во двор-колодец, мне разрешали играть только там. Бетонная площадка с одиноким баскетбольным кольцом, парковка, пара детских горок да одно-единственное дерево – вот что составляло мой детский мир. Но все поменялось, когда мама стала отсылать меня в городок к бабушке. Всего час езды на машине – и ты попадаешь будто в другую вселенную. Деревянный дом, выкрашенный голубой краской. Сад – череда грядок и ржавых баков, гора инвентаря. В центре луковой грядки – красная вертушка.

Обычно меня привозили к бабушке только на лето и выходные, но когда мне исполнилось шесть, перед мамой встала серьезная проблема. В какую школу меня отдать? Как меня забирать, если мама сутками пропадает на работе? И она решила, что лучше бы мне совсем переехать к бабушке и пойти в местную школу. Там воздух чище, да и интереснее и безопасней ребенку будет в частном доме со своим огородом.

Я была только рада, ведь в бабушкином городе жил Стас. С сентября по май я мечтала о том, чтобы побыстрее наступило лето, ведь летом мы могли играть целыми днями. А теперь я буду с ним круглый год!

И вот мама повезла меня к бабушке со всеми вещами. Я думала только о том, как расскажу Стасу потрясающую новость: что я теперь буду жить здесь, осенью мы вместе пойдем учиться. Будем мечтать и строить планы. Выбирать школьные рюкзаки, ходить на уроки, проводить каникулы, праздники. Решать, куда поедет. Все это мы будем тщательно продумывать и записывать в специальную тетрадь.

И никто не знал, что наше «вместе» кончится ровно через шесть лет.

* * *

Дядя Костя открыл дверь машины. Я вышла из нее, сжимая в руках клетку с питомцем – крольчихой Умкой, и посмотрела на бабушкин дом, который с этого дня должен был стать и моим. Он напоминал пряничную избушку – белые резные наличники на окнах делали его каким-то воздушным и сказочным.

Я прошла в дом, схватила со стола яблоко и поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь, под самой крышей, была моя комната. Поставив клетку на пол, я открыла дверцу, Откусила кусочек от яблока и, протянув Умке угощение, ласково сказала ей:

– Ну что, Умочка? Теперь это наш дом. Мы всегда будем здесь жить. Ты рада?

Кролик смешно дергал ушами и часто-часто двигал челюстями – грыз яблоко.

В комнате пахло деревом – стены и скошенный потолок были обиты деревянными панелями. Я любила это место гораздо больше, чем комнату в московской квартире. Под каждой деревяшкой, в каждом углу, в каждой маленькой щелке здесь теплилось волшебство.

Вскоре пришел дядя Костя. Он поставил на пол чемодан и выдохнул:

– Уф, ну и тяжесть! Томка, ты вроде такая маленькая, а барахла больше, чем у мамки!

Я засмеялась. Кокетливо дернула плечом и, подражая маме, ответила:

– Ну, мы же женщины. Имеем право.

Тут уже засмеялся дядя Костя.

– Женщины! А мне потом мучайся с больной спиной!

– Дядя Костя, спортом надо заниматься! – Я осуждающе посмотрела на его живот.

Он подтянул штаны и провел пальцем по пышным усам.

– Надо-надо, да только лень. Ладно, ты давай обживайся, а я пойду водицы хлебну.

Я стала не спеша разбирать одежду: перекидывать в комод футболки и шорты, вешать в шкаф свитера и кофты. Потом подошла к окну, выходящему на крышу терраски, и отдернула занавески. Перелезла через подоконник, прошла по крыше и посмотрела вдаль улицы. Желтая проселочная дорога. Черда одноэтажных домов и высоких деревьев. Где-то там, через несколько домов, жил Стас: отсюда виднелся кусочек его кирпичного коттеджа и окно в его комнату. По ночам мы часто дурачились – перемигивались светом от люстры или фонариками.

Кто-то на улице выкрикнул мое имя. Сердце замерло.

Крыша терраски располагалась со стороны сада, и не получалось разглядеть, кто же стоит у калитки. Но я ни секунды не сомневалась – кричал Стас: его звонкий голос я бы узнала из тысячи. Я бросилась на улицу. Открыла калитку. И увидела его, своего любимого мальчишку с самой красивой улыбкой на свете. Белесые волосы были растрепаны. Огромные голубые глаза излучали доброту.

– Стас! Стас! – Я кинулась к нему. – У меня такая новость! Ты сейчас обалдеешь! – Эту фразу я подцепила из маминого лексикона. Она часто начинала так разговоры с дядей Костей. В последний раз за ее «ты сейчас обалдеешь» последовала захватывающая история о том, как Танька с работы выгнала мужа из дома. – Представляешь, мама перевезла меня сюда! Насовсем! Я теперь буду здесь всегда жить! Не только летом и на выходных, а всегда!

Он очень обрадовался. Мы пошли вдоль улицы, по дороге болтая о планах.

– Мы пойдем вместе в школу, а потом будем вместе отмечать мой день рождения, а потом новый год... – перечислял Стас. – А потом... Хм. А что будет дальше нового года?

Я пожала плечами – до нового года ведь так далеко... Впереди нас ждало лето, самое счастливое в моей жизни, и оно будет длиться целую вечность.

Начались веселые беззаботные деньки. Стас часто приходил ко мне в огород – грядки, ржавые баки и всякий садовый инвентарь казались нам прекрасным фоном для игр. Мы выбрали самый огромный бак. Залезали в него, ставили в центр палку с привязанными к ней бабушкиными панталонами, смотрели в бумажную подзорную трубу на морковные грядки и кричали:

– Вижу землю! Право руля!

Бабушка страшно ругалась на нас за развешенные панталоны, но из них получался чертовски клевый флаг! Огромные, желтые, они эпично развевались на ветру и были гордостью нашего корабля.

Дома мы играли в «рыбу» – ловили на самодельные удочки всякие вещи и клали их в тазики: кто наловит больше, тот и выиграл. Еще мы часто раскидывали прямо в огороде палатку, таскали туда еду, подушки и фонарики. Ходили в гости к Стасу и играли в приставку, а потом на улице рисовали на дороге всякие маршруты из игры и бегали по ним, придумывая свои приключения.

Стас обожал «Мортал Комбат», а вот мне не очень нравились игры, где надо драться. Но раз Стас ее любил, мне тоже приходилось. Он всегда был Саб-Зиро; я могла играть за Мелену или Китану, но девчачьи роли я терпеть не могла. И я стала Скорпионом. В играх я обожала драматические истории героев, любила выдумывать костюмы и оружие по мотивам. Из собачьей цепи и металлической пластинки я даже сделала себе кунай, как у героя.

Скорпион и Саб-Зиро. Огонь и холод. Змея и лед.

Еще мы играли в сказки и приключения, например в Робин Гуда. Логично было предположить, что в этой игре Стас станет Робин Гудом, а я девицей Мариан, но я упорно отказывалась от женских ролей. Мы даже подрались с ним тогда в первый раз, и я победила, став Робин Гудом, а Стасу досталась роль Большого Джона. Умка была нашей принцессой. Я склеила из бумаги корону и водрузила на голову крольчихи. Деревянная площадка на дереве была замком Ноттингем. Туда мы помещали мешочки с мелочью. Мы грабили Ноттингем и раздавали мешочки ближним кустам – домам бедняков. Специально для этой игры я сшила себе зеленую шляпку. Стас тоже хотел такую, но я сказала, что это отличительный знак Робин Гуда. Стас здорово обиделся.

Мы любили забираться куда-нибудь высоко – облазили и все деревья в округе, и даже сломанный грузовик, который стоял у дома наших соседей, по-моему, с самого моего рождения. Мы прыгали по гаражам соседей слева и по груде бетонных блоков соседей справа. Мы часто падали, разбивали коленки и локти. Стас переносил боль хуже меня, даже плакал, но я никогда не смеялась над ним. Если он падал и ушибался, я садилась перед ним, срывала подорожник, пела песенку про котенка и паровозик, заставляя Стаса подпевать мне, чтобы отвлечь от боли, и лепила лист подорожника на ранку.

Стас успокаивался, смотрел на залепленную листом ранку и удивлялся:

– Совсем не щиплет!

– Ну так это же я тебя отремонтировала! У меня не будет щипать! – гордо улыбалась я.

Мы часто уходили ко мне, подолгу лежали на крыше терраски и смотрели в небо. Однажды днем, когда мы наблюдали за пролетающими облаками, я спросила Стаса:

– О чем ты думаешь?

– О том, что вон то облако похоже на огромного муравья. Видишь?

– Нет, ничего не вижу!

– А вон то, рядом, на паука с мордой обезьяны.

– Хм. Скорее на какую-то палку.

– И они как бы дерутся. У них злые лица. Интересно, если они на самом деле будут драться, кто победит?

– Не знаю.

– Нет, ну ты как думаешь?

– Не знаю, мне как-то странно об этом думать.

– Мне кажется, муравей.

– Почему?

– Просто мне так кажется.

Я не видела в облаках ни муравья, ни обезьяноподобного паука. У меня не получалось представить, что облако может быть на кого-то или что-то похоже. А Стас видел в них столько всего: драконов, динозавров, горилл и годзилл...

Ясными вечерами мы искали в небе созвездия. Я учила Стаса быстро находить Стрельца – его зодиакальный знак. Мы болтали и ели конфетки с разными фруктовыми вкусами, которые покупали в палатке у дома. За фиолетовый кругляшок со вкусом винограда мы вели нешуточные бои, но иногда все-таки Стас, видя, что осталась только одна виноградная конфетка, по-джентльменски уступал ее мне.

Когда становилось совсем холодно, мы забирались в дом и играли с Умкой. Стас очень любил мою крольчиху, всегда приходил в гости с чем-нибудь вкусеньким для нее. Он сам открывал дверцу и доставал Умку. Обычно она не любила чужих, начинала странно фыркать и чихать, но Стасу доверяла. Он доставал из кармана яблоко или морковку, откусывал кусочки и протягивал Умке. Та тянула к угощению свою смешную мордочку, обнюхивала, потом начинала есть, а мы гладили ее по серой шерстке.

Однажды мы сели за стол порисовать – это было еще одно наше любимое занятие. Я достала бумагу и фломастеры, а затем хитро посмотрела на Стаса.

– Ты чего? – нахмурился он.

Ох и не любил он этот мой взгляд! Ворчал, что, раз я так на него смотрю, у меня есть какая-то тайна, а он чувствует себя дурачком, которому эта тайна неизвестна.

Я улыбнулась, закрыв губы ладошкой, сжала кулачок и убрала в карман кофты.

– Я брошу улыбку тебе в окошко, когда тебе будет пора уходить. Чтобы ты не скучал по дороге. Поймаешь?

Он кивнул.

– А что ты кинешь мне взамен?

– Поцелуй? – растерянно предложил Стас.

– Фу, девчачьи нежности. Не подойдет. Думай.

Он захихикал в кулачок. И также убрал в карман.

– Я брошу тебе смех!

Это мне понравилось. Стас спросил:

– Что мы будем рисовать?

Я задумалась.

– Я нарисую тебе улыбку, а ты мне – смех!

– Нечестно! – возмутился Стас. – Улыбку рисовать гораздо проще. Как я нарисую смех?

– А я нарисую не такую улыбку. Я нарисую сложную.

– Ну ладно...

Мы принялись за дело. Я нарисовала водопад из множества капелек, а в каждой капельке – улыбающееся лицо. Стас первым протянул мне свой рисунок. Он нарисовал рот, из которого вылетают маленькие птички, крендельки и сахарная вата, карамельки, котята, облака, радуга и разноцветные бабочки. Художник из него был так себе: глядя на рисунок, можно было подумать, что невидимому человеку плохо, и его рвет всякими милыми вещами. Но рисунок мне очень понравился. Я протянула ему свой.

– Это водопад, – недовольно сказал Стас, – где же тут улыбка?

– А ты смотри внимательно! – велела я.

Он увидел лица в капельках и пришел в восторг:

– Ого! Улыбки! Очень круто, спасибо!

Мы обменялись рисунками. Время было уже позднее, и Стасу пора было домой.

– Не забудь, – сказала я на пороге и постучала по карману, – поймать мою улыбку!

– А ты поймай мой смех! – Стас постучал по своему карману.

Я побежала на второй этаж. Одну его половину занимала моя комната, вторую – чердак. Я пробралась через старую мебель, кастрюли и цветочные горшки; еле-еле открыла окно и вдохнула вкусный вечерний воздух. Стас встал прямо под фонарь, чтобы я видела его.

– Я здесь! – крикнул он.

Я сунула руку в карман и вытащила кулачок.

– Ты готов?

– Готов! Ловлю!

И я бросила ему невидимую улыбку. Он ловко «поймал» ее рукой и налепил себе на рот.

Улыбнулся широко-широко.

– Теперь лови мой смех!

Он бросил мне «смех».

Я поймала его, открыла рот, бросила смех туда, как следует разжевала и проглотила.

Потом засмеялась и помахала Стасу:

– До завтра!

– До завтра! – улыбнулся он и пошел вдоль улицы.

В своей комнате я нашла на подушке записку. Я сразу узнала почерк Стаса. Большие корявые буквы заваливались влево, а не вправо, как у всех.

В ОКОШКО – УЛЫБКУ, А ИЗ ОКОШКА – СМЕХ!

Я улыбнулась. Когда он успел написать ее?

Это записка – сложенный в четыре раза лист бумаги – много лет хранилась у меня в отдельном файлике; я не могла расстаться с ней. И все это время я до конца не верила, что мальчика, который был частью моей Вселенной, больше нет.

* * *

Однажды утром я проснулась оттого, что Умка ходит по мне, легонько стуча лапами по одеялу. Стоп! Умка? Она должна быть в клетке! Я разлепила глаза и увидела Стаса. Это он положил Умку на меня. Наверное, его впустила бабушка. Я замычала и зарылась с головой под одеяло. Стас завозмущался:

– Ну уж нет! Вставай, Спящая красавица!

– Сколько времени?

– Время смотреть фильм! Побежали ко мне завтракать! У меня такой фильм есть, обалдеешь!

– А какой?

– Про привидений.

– Пойдем! – Я прыгнула с кровати. Фильмы про привидений я обожала. – Только давай сначала в магазин забежим, бабушка еще что-то вчера просила купить, а я забыла.

Мы были заядлыми киноманами. Почти каждый вечер, когда темнело, мы уходили к Стасу, ложились на пол в его комнате и смотрели фильм на огромном-преогромном экране. На самом деле экран был обычный, средний, но в сравнении с бабушкиным старым пузатым телевизором все современные модели казались мне настоящими кинотеатрами.

В магазине, еле-еле дотянувшись до прилавка, я отдала продавщице деньги и взяла продукты. Стас стоял рядом и смеялся. Ух, как я злилась, когда он подшучивал над моим ростом. Ну, погоди, когда я вырасту, я тебе устрою!

По пути из магазина я заметила трех девочек, которые играли в какую-то странную игру. Девочки казались нашими ровесницами. Две стояли друг напротив друга, между ними была натянута резинка, а третья девочка прыгала в середине. Ее прыжки напоминали танец.

– Пойдем! – Стас недовольно потянул меня за руку.

– Подожди! Я хочу понять, что они делают!

– Да ну! Девчачьи игры всегда странные. Пойдем смотреть фильм.

Но мне безумно понравилась эта игра, и я заняла:

– Я хочу так же!

– Ну тогда иди знакомиться, они тебя научат.

Я ждалась. Мне было страшно знакомиться с девочками, я вообще их боялась: все еще помнила, как во дворе со мной отказались играть из-за мальчишеских игрушек. Я все-таки неуверенно подошла, но ни к чему хорошему это не привело. Девочки посмеялись, сказали, что я еще маленькая, а в эту игру играют только большие. Я вернулась вся в слезах.

– Не плачь! Я сам к ним пойду! – пообещал Стас и направился к девочкам.

Я побрела домой относить продукты. Когда я разобралась с пакетами и убрала все в холодильник, пришел довольный Стас и... протянул мне резиночку.

– Я все узнал! Я тебя научу.

– Они тебе рассказали? – поразила я, восторженно глядя на красный моток резинки. – Вот так просто? И отдали резиночку?

– Подарили, – гордо сказал он. – Я с ними поздоровался, улыбнулся и попросил научить играть, они все рассказали и даже отдали эту штуку.

В тот момент я очень гордилась Стасом – тем, что у него так здорово получалось со всеми дружить. Лишь спустя несколько лет я узнала правду. Одну из тех девочек звали Дашей; она стала моей одноклассницей, а потом – лучшей подругой. Именно Даша рассказала, как Стас, чтобы выведать тайну игры в резиночку, отхлестал их крапивой. Стас уже тогда был склонен к жестокости, но я этого не видела. Для меня он был просто моим другом. Лучшим мальчиком на Земле.

– Ну что, пойдём научу тебя прыгать через резиночку? А потом посмотрим фильм?

Мы вышли в огород, один конец резиночки перекинули через стоящие рядом два столбика, а на другой встала я. Стас встал сбоку от двух резинок и показал мне разные прыжковые комбинации. Вскоре я выучила их и стала прыгать сама. Больше всего мне удавалась часть, где надо быстро выпрыгнуть наружу и попасть ногами на сами резинки. Я почему-то всегда попадала четко на линии резинок, даже если они были натянуты до самых бедер. А вот та часть, где надо было прыгнуть внутрь, у меня никак не получалась, даже если резинки натянуты низко, до колен. Почему так, я понять не могла. Может, не хватало ловкости или скорости? Или ноги коротковаты?

Мы стали часто играть в эту игру и здорово продвинулись в ней. У нас получалось прыгать очень быстро, мы даже от себя добавили пару движений. Мне кажется, я так отработала эти прыжки, что никогда не забуду. Конечно, когда мы играли, я замечала, что Стас озирается, нет ли кого рядом. Я понимала: это девчачья игра и если кто-то из мальчишек увидит его, то могут засмеять. Но и мне, и ему она понравилась безумно.

А в тот день мы пришли к нему домой и стали смотреть «Корабль-призрак». Мама Стаса сделала на завтрак блинчики с малиновым вареньем.

Морскую тематику мы обожали, привидений тоже, так что фильм нам очень понравился. Там было много пугающих моментов. Стас сказал, что я похожа на Кэтти, девочку-призрака, только волосы другие: у Кэтти рыжие, а у меня какие-то непонятные, темно-серые. Такой оттенок называют «лесной орех», но я бы назвала его цветом мокрой пыли. За «Кэтти» Стас получил по носу. Как он мог забыть, я же ненавижу девчачьи роли! Я-то была в восторге от Джека, главного злодея, оказавшегося в конце фильма кем-то вроде демона. Как лихо он всех обманул, притворившись человеком! Стасу пришлось соврать, что он все перепутал, на Кэтти я не похожа ни капли, и да, он как следует рассмотрел и понял, что у меня есть что-то общее с Джеком. Глаза такие же и так же улыбаюсь. Я сменила гнев на милость.

Еще Стас сказал, что я странная, потому что никогда не плачу из-за гибели добрых героев. Зато всегда реву, если фильм кончался хеппи-эндом и умирают злодеи. И вот теперь, когда корабль взорвался и взрыв уничтожил моего любимого Джека, я опять пустилась в рев. Стас только ухмыльнулся:

– Никогда не видел, чтобы кому-то так было жалко злодеев!

Фильм вдохновил нас на еще одну игру: мы понеслись ко мне и стащили у бабушки две простыни. У нее их была целая гора, и вряд ли она заметила бы пропажу. Мы забрались на чердак и принялись колдовать. Нарисовали красной краской на простынях улыбки, черной обвели глаза и сделали прорезы. Получились замечательные костюмы привидений, нам тогда казалось, что они очень страшные и все будут нас бояться. К вечеру мы доделали их и, бегая вокруг домов, пытались кого-нибудь напугать. Но к нашему огорчению, никто не боялся. Нам попались соседи из дома номер пятнадцать, я не помнила, как их зовут, пожилая такая пара. Мы напали на них сзади и завывали, изображая злобных привидений, но они не испугались, а, наоборот, засмеялись. Потом мы увидели, как возле своей вишни ходит дядя Гена, но не стали его пугать: однажды за то, что мы оборвали его ягоды, он нас здорово потрепал. Потом нам попала семья Ермаковых, но они тоже засмеялись, даже их маленький сын. Мы в расстроенных чувствах забрались на чердак и стали думать, что же мы сделали не так. Размышления не прошли даром – в дальнейшем в этом деле мы очень преуспели, усовершенствовав свою методику «пугания».

Вскоре мы посмотрели «28 дней спустя», и нас перестали вдохновлять привидения. Нашими кумирами стали зомби. Мы научились делать крутые костюмы и неплохой грим. Из Стаса вышел отличный актер, даже я не могла так страшно закатывать глаза. А уж какие звуки он издавал! Мне было очень страшно, и людям вокруг тоже. Мы надевали старую одежду, мазали ее кетчупом, пудрили лица мукой, фломастерами рисовали синяки под глазами. Мы шли по дороге, нетвердо ступая на подкашивающихся ногах. Широко раскрытые глаза, волосы спутаны. С гримом мы старались не переусердствовать: уже поняли, что людей больше пугает естественность. Поэтому кетчуповой крови мы добавили на одежду совсем чуть-чуть. Мне кажется, нас бы испугались и без этого, ведь пугал сам факт того, что в темноте бродят странные дети.

Вечер выдался прохладный, и я даже накинула куртку. Стас был в одной футболке.

– Тебе не холодно? – спросила я.

– Нет, мне не бывает холодно, ты что, забыла?

Ах да... Стас же никогда не мерзнет. Все ходят в куртках – он надевает ветровку. Все надевают ветровки – он ходит в футболке. Я в шутку как-то сказала, что он живет на другой планете, где всегда теплее на один сезон.

И тут мы увидели вдалеке моего деда, который возвращался с работы. Он шел по дороге пошатываясь и держал бутылку, к которой время от времени прикладывался. Мы спрятались в кустах и обдумали план действий: как бы так получше напугать деда, чтобы он от страха раз и навсегда перестал пить. Когда он подошел достаточно близко, мы встали на колени и поползли к нему на четвереньках. При этом мы шипели, рычали и клацали зубами.

– Мать честная, раскудрить твою через коромысло! – завопил дед и то ли побежал, то ли попрыгал прочь.

Я никогда не видела, чтобы он так скакал. Каждый его прыжок по длине явно превосходил рекорды олимпийцев, но вряд ли дед об этом догадывался.

Он действительно перестал пить на какое-то время. Начал ездить на работу на велосипеде – видимо, чтобы быстрее удирать от зомби. Стал чаще креститься, а еще уходить в себя и задумываться о разных вещах. Так что наш урок ему пошел только на пользу. Пусть думает, думать – это полезно.

Когда разрушилось наше со Стасом «вместе», я тоже стала задумываться о многом и на многие вещи посмотрела взрослее. Как будто во мне щелкнул замочек и некий ранее не работавший механизм вдруг задвигался. Я вспоминала того Стаса, который был моим другом. Его светлые волосы, наши детские игры, особенно «Брось в окошко». Вспоминала разные песенки, которые мы пели, – мы очень любили петь. Пела я лучше, чем Стас, не путалась в словах и

хорошо помнила мотив, в отличие от него. Он часто обижался на меня за это – ведь это он обучил меня многим песенкам, и я просто не имела права петь их лучше.

Сейчас я согласна на все что угодно, лишь бы мальчик из прошлого снова пел мне свои песенки, сам. Про овечку. Про котенка и паровозик. Песни Высоцкого, которые любил слушать дед. Дворовые песни, которые пели взрослые мальчишки. Я помню их все. Они играют в моей голове, как будто там находится встроенный магнитофон. Эти песни говорят мне, что когда-то я была счастлива.

Глава 2

Последние летние деньки. Рюкзак, тетрадки, ручки, учебники, банты, гольфы и сандалики – все подготовлено для школы. Чем больше проходило времени с папиного ухода, тем лояльней я относилась к девчачьим вещам. Мама уже могла нацепить на меня платье без визгов и драк.

Мы со Стасом сидели на высокой рябине и плевались друг в друга ягодами, обсуждали какую-то недавно посмотренную комедию про свадьбу. Мысли плавно переключились с фильма на самую церемонию.

– Стас, а давай поженимся? – предложила я.

Он задумался на несколько секунд и пожал плечами:

– Ну, давай.

Церемония проходила в доме бабушки. Я надела белый сарафан, сплела венок из клевера, посмотрела в зеркало. Хм. Кажется, я начала любить платье. Мы попросили бабушку обручить нас. Она взяла первую попавшуюся книгу – «Волшебника Изумрудного города» – и стала делать вид, что читает торжественную речь.

– А теперь объявляю вас мужем и женой! – сказала она и захлопнула книгу. – Только обойдемся без поцелуев, а то ваши родители меня убьют.

Стас все равно чмокнул меня в щеку. Я посмотрела на него, улыбнулась и чмокнула в ответ.

– А свадебный танец?

– Танец, хм... – бабушка включила старый кассетный магнитофон в розетку, – не обещаю, что здесь будет подходящая песня... – И нажала на кнопку.

Магнитофон завыл голосом Аллы Пугачевой: «Я знаю, что у нее, нее, нее душа кошкина. А я хорошая. Мадам Брошкина...»

Мы засмеялись и стали танцевать. Строили рожицы, прыгали и вертелись. Вот так прошла наша свадьба. Лишь игра, но для каждого из нас это значило гораздо больше.

В то лето у Стаса родилась сестренка. Мы часто ходили в парк с его мамой: она везла коляску с малышкой, а потом доверяла ее нам. Мы очень гордились, выполняя такое ответственное задание, хотя коляска доставала Стасу до груди, а мне – до макушки. Мы чувствовали себя совсем взрослыми.

На следующий день после шуточной свадьбы мы снова пошли в парк. Стас вез коляску, я шла рядом, мама Стаса – сзади. Прохожие смотрели на нас и улыбались.

– Какие милые дети! Мальчик, это твои сестренки? – ласково спросили Стаса проходящие мимо мужчина и женщина.

Стас оскорбился, холодно посмотрел на них и заявил:

– Это моя жена. И мой ребенок. – И, не дожидаясь ответа, задрал подбородок и быстро покатил коляску дальше.

Я очень гордилась своим юным мужем. Мне понравилось, что он так сказал.

Наступило первое сентября. Бабушка заплела мне две тугие косички и украсила их бантами. В одной руке я несла огромный букет цветов, другой держалась за бабушку.

Стас со своей мамой шли рядом.

– Не бойся, – подбадривал он меня, – тебя никто не укусит. Пусть только попробуют! Я им покажу!

Он улыбнулся. Я робко улыбнулась в ответ. Мне нравилось, что в школе у меня есть такой храбрый друг.

На торжественной линейке Стас держался рядом. Много людей, яркие букеты, детские крики и смех – все это кружило голову. Потом нас повели в классы. Учительница показала нам школу, рассказала о распорядке. Со Стасом мы сели за одну парту.

Учительница дала нам время познакомиться поближе и поиграть. Стас сразу пошел к мальчишкам, я робко последовала за ним, но он обернулся и смущенно посмотрел на меня. Я видела, что он хочет сказать мне что-то, но боится. И все же он спросил:

– Может быть, ты пойдешь поиграешь с девочками?

Я не подала вида, что обиделась. Но обиделась я тогда здорово.

– Они не станут со мной играть!

Стас взял меня за руку и повел к группе девчонок.

– Я знаю, кто точно станет!

Самую высокую из этих девочек я узнала – это она подарила нам резиночку.

– Как тебя зовут? – спросил ее Стас.

Девочка испуганно посмотрела на нас и стала теревить свои светлые косички.

– Даша.

– А ее – Тома, – представил меня Стас. – Вот. Теперь вы познакомились. А я пошел.

Стас ушел к мальчишкам. А я глядела на Дашу, не понимая, как себя вести. Даша задумчиво посмотрела на меня в ответ, будто решаясь на что-то, и наконец предложила:

– Хочешь, я покажу тебе своих лошадей?

– Очень хочу! – обрадовалась я.

Даша повела меня в конец класса и показала на пустой угол.

– Вот они. Тут их стойло!

– Но тут же никого не-ет! – разочарованно протянула я.

Даша удивилась:

– Как нет? Вот они. У меня четыре лошади. Видишь эту, розовую? Ее зовут Крошка. Она умеет летать. А вот эта коричневая – его зовут Ветер. Он мчится быстрее всех. Белую зовут Молния. А рыжую Буран. Буран уже старенький. Он очень медленный.

– Но я никого не вижу! – хлопала глазами я, всматриваясь в угол.

Даша рассердилась:

– Что ж ты такая слепая? Смотри лучше! Как же я смогу с тобой дружить, если ты не видишь моих лошадей?

Я напрягла воображение. И увидела.

– Я вижу их! – с восторгом прошептала я. Протянула руку к Бурану и погладила его гладкую рыжую гриву.

Даша хитро посмотрела на меня.

– Ладно, я разрешу тебе покататься на Буране. Садись! А я сяду на Молнию. Если справишься с Бураном, так и быть, я разрешу тебе покататься на Ветре.

Мы сели на воображаемых лошадей и поскакали по классу. Краем глаза я видела, что Стас с другими мальчишками играют в конструктор, но больше не обижалась на него. Я была благодарна за то, что он познакомил меня с этой необычной девочкой.

Так началась моя школьная жизнь. Поначалу было тяжело – непривычно вставать в такую рань, да и на дом задавали очень много. Зато наша дружба со Стасом ничуть не ослабела. Мы по-прежнему сидели за одной партой, ходили вместе в школу и из школы. Стас часто приходил ко мне в гости. Помогал с уроками. Учеба давалась ему легче, чем мне, он за пять минут решал и объяснял самые сложные задачи.

* * *

Однажды мы со Стасом, как обычно, сидели на груде бетонных блоков перед домом соседей. Плевали вниз. Пытались слюной сбить с куста гусеницу.

– Скучно. Пойдем на ту сторону? – вдруг предложил он.

Я испугалась. Наш детский мирок включал только три улицы. Этого было вполне достаточно, каждая улица казалась вселенной, которую можно исследовать вечно. Наша улица находилась посередине. Мы ее не очень любили, на ней не было ничего интересного. Слева от нее параллельно шла асфальтированная дорога, которая нам тоже не нравилась, потому что по ней непрерывно носились машины. Зато правая была нашей любимой: на ней находилась котельная, а это просто Вселенная внутри Вселенной. На ее территорию мы залезать боялись, но с удовольствием бродили вокруг, по заброшенной и мрачной местности.

Та сторона – все, что находилось за железной дорогой. Ходить туда нам категорически запрещалось. И Стас это знал.

– Но нам нельзя... – проямлила я.

– Девчонка... Что с тебя взять?

Он никогда раньше не говорил со мной так презрительно. Под его взглядом я проглотила комок обиды, схватила прядку волос и стала нервно тереть. Стас подошел ко мне, протянул руку и намотал прядку на свой палец.

– Так вот почему у тебя волосы кудрявятся! Теперь я знаю твой секрет. – Он ободряюще улыбнулся. – Пойдем! Ничего не случится. Мы быстро – туда и обратно.

И я уступила.

Мы шли по улице, от которой в стороны разбегались три переулка. Они были частью нашего мира, мы очень любили их. Летом здесь всегда росли ягоды: крыжовник, земляника и ирга. Мы прошли уже два перекрестка; последний же проводил некую черту между нашим миром и миром запретным. Здесь я встала и опять растерянно затеребила волосы.

– Ну? Что стоишь? – спросил Стас.

Я с надеждой посмотрела на него. Он должен понять, что мне тяжело переступить черту. Он понял это и ободряюще сказал:

– Пойдем. Ничего страшного, мы же ненадолго.

И я, закрыв глаза и сделав усилие над собой, перешла черту. Облегченно выдохнув, посмотрела назад, на наш уютный и безопасный мир. Да, Стас привел нас в чужие владения, неизведанные и опасные. Страшный захватывающий мир – линия железной дороги, через которую надо переходить осторожно, за ней – заброшенный коттеджный поселок. Мы обошли его весь, облазили все недостроенные дома. Нам очень понравилось одно место – фундамент, на котором лежали плиты. Внутри – огромная квадратная яма, по периметру – кирпичные стены. Видимо, тут планировался подвал.

Мы пролезли в узкий лаз под бетонной плитой и посмотрели на яму. Никаких лестниц, до низа два метра. Нужно было прыгать, и мы прыгнули. Внизу оказалось прохладно. Хитрое переплетение бетонных стен превращало подвал в лабиринт. Вместо пола – голая земля. Зато в щели между стенами и потолком проникало достаточно света.

– Мне нравится это место! – Стас осмотрелся. – Надо запомнить его...

Я растерялась.

– Но зачем? Здесь так далеко от дома...

– Еще не знаю, – сказал Стас. – Но уверен, это место нам понадобится.

Я поежилась. Мне куда комфортней было бы сидеть на нашей рябине или на огороде, но я промолчала.

* * *

Школьная жизнь все же изменила кое-что в наших отношениях со Стасом: он стал много общаться с другими мальчишками – из класса и с нашей улицы, хотя они были старше. Мы реже бывали вдвоем, но Стас всегда брал меня в «мужскую» компанию. Правда, поначалу мальчишки, глядя на меня, презрительно протягивали: «Девчо-о-онка...» и явно не желали меня принимать.

– Посмотрите на нее! – защищал меня Стас – По мне, так она настоящий мальчишка. Одежда, лицо, походка – все как у нас. Ну, только волосы девчачьи.

Я улыбалась. Эти слова были для меня одним из лучших комплиментов.

С мальчишками мы играли в казаки-разбойники, устраивали войнушки с ребятами соседних улиц. Эти игры казались удивительными, но участие на равных мне давалось тяжело. Чтобы успевать за мальчишками, нужно было бегать так же быстро, прыгать так же ловко и во всем всегда им следовать. Мальчишки меня не щадили, вели себя грубо и часто не рассчитывали силу, но я привыкла. К синякам, дракам и потасовкам стала относиться как к чему-то обычному. Только время помогло мне заслужить уважение компании.

Стас помогал мне: подсаживал на высокие заборы, всегда протягивал руку, когда мы куда-то пробирались... Когда мы крали кирпичи для шалаша из огорода одного из соседей, все несли по три. Я схватила столько же, но мне было жутко тяжело. Стас забрал у меня один и нес четыре. А потом говорил всем, что мы оба несли по три.

Мы вместе гонялись за девчонками. Делали «стрелялки» из резинок бигуди и напалечников – и стреляли в них рябиной. «Стрелялки» били больно, после них оставались синяки. А еще раздавленная рябина сильно пачкала одежду.

Стас не был лидером из-за возраста и маленького роста, но очень хотел им стать. Он во всем старался превзойти других. Даже когда мы делали для удочек грузила из свинца – разбирали старые аккумуляторы на пластины, складывали их в консервные банки, грели над костром, расплавленную массу лили в ложки, чтобы придать форму, – у Стаса получалось лучше всех. У него все получалось круто, и мы видели это.

Стас больше никому не сказал про подвал, который мы нашли. Но иногда, тайком, мы ходили туда вдвоем – просто проверить, что ничего не изменилось. Я поняла: он держал в тайне это место для особого случая. И такой случай наступил.

Через два года, весной, когда мы заканчивали третий класс, в нашей уличной компании произошел настоящий переворот. Смена власти.

В школе объявили карантин – очень многие заболели ветрянкой, и нас распустили по домам на две недели. Слегли все старшие ребята-лидеры, а Стас не растерялся и воспользовался этим. Он быстро привел в компанию ребят из нашего класса, хотя это было запрещено – приводить чужих. Затем Стас наконец-то сводил всех в заброшенный подвал и объявил его «нашим местом». Все обрадовались. Мы назвали его Бункером. Когда старшие ребята выздоровели, то попытались все отыграть назад, но у Стаса был козырь – Бункер принадлежал ему, там действовали его правила. Не согласен – уходи. Компания раскололась на тех, кто поддерживал старших, и тех, кто был за Стаса. Началась жуткая война с камнями и палками. В итоге Бункер остался за нами, а старшие ребята ушли.

Стас приглашал в Бункер новых ребят. Компания росла.

– Нужно бы придумать название для нас, – как-то сказал Стас.

– Куда тебе столько друзей? Зачем тебе такая огромная компания? – спросила я.

– Я хочу создать боевой отряд! – гордо воскликнул он. – И завоевать мир!

И мы стали думать. Хотя в компании было много народу, домой Стас приглашал только меня, и мы по-прежнему смотрели фильмы по вечерам. Название пришло неожиданно, когда

мы смотрели боевик о приключениях двух героев из отряда «Степные койоты». Они храбро сражались с бандитами, прыгали с парашютом, круто дрались и суперски гоняли на тачках. Не трудно догадаться, какое название мы подобрали себе.

Над лазейкой в Яму на бетонной плите мы написали красной краской из баллончика:

Степные койоты.

Но это звучало как-то сухоовато. Стас подумал и приписал впереди еще одно слово:

Осторожно! Степные койоты.

Такая надпись нам очень понравилась.

Через несколько дней Стас провел торжественную церемонию посвящения в отряд. Специально для этого он прикупил на блошином рынке старые значки. Достаточное количество одинаковых он не нашел, поэтому все были разные. Мы выстроились в линию. Стас подходил к каждому и прикреплял к его груди значок. Мне досталась золотистая звезда с красным камешком. Потом, увидев значки остальных ребят, я поняла, что Стас специально выбрал звезду для меня. Мой значок был самым красивым.

– Поздравляю со вступлением в боевой отряд, солдат! – Стас приколол мне значок и пожал руку. Он задержал мою ладонь в своей дольше, чем когда посвящал других.

Я очень загордилась. Это круто – быть одной из «Степных койотов»!

Посвящение сделало нас всех ближе. Мы стали одной семьей. И не повезет тому, кто встанет на нашем пути. Мне было искренне жаль наших врагов.

Мне было десять лет. Мое членство в «Степных койотах» закончится ровно через два года. Стас с позором вырвет мой значок и навсегда изгонит из отряда. Члены моей семьи станут моими врагами.

* * *

С появлением Койотов Стас начал меняться, как и его интересы. Теперь он часами сидел в Бункере с мальчишками или бесцельно шатался по улицам. Он презрительно хмыкал, когда я предлагала порисовать или поиграть в какую-нибудь из наших старых игр.

– Это для детишек! – говорил он. – У взрослых другие развлечения!

Мне становилось стыдно, и я тоже старалась отбросить все «детское». Презрительно смотрела на дворовых девчонок, которые играли в резиночку либо что-то рисовали на земле.

– Фу-ты ну – ты! – хмыкала я. – Девчачьи нежности!

Я лукавила: мне все еще нравились наши старые игры. Но я принимала новые увлечения Стаса, а в старые игры играла с Дашкой.

Иногда Стасу все же надоедала большая компания, и мы уходили куда-нибудь вдвоем. Мне очень нравились эти моменты: мы говорили о разных вещах, о том, о чем не могли бы поговорить со всеми остальными. В эти редкие прогулки Стас переставал важничать, переставал изображать лидера – снова становился тем простым мальчиком, с которым я познакомилась совсем маленькой девочкой. Мы забирались на мою крышу и подолгу сидели там, поедая мороженое и другие вкусности. Это было прекрасное время. Я любила такого Стаса. Стаса, который обнимал меня за плечи и по-братски говорил:

– Эй, сестренка, выше нос! Старший брат не даст тебя в обиду!

Я любила Стаса, который таскал мне из дома дорогие иностранные конфеты, привезенные отцом из командировки. Он протягивал мне целые пакеты со словами:

– Я знаю, ты любишь такие. Бери, бери. Я еще принесу.

Я любила Стаса, который в моменты, когда слова не идут, но хочется сделать что-то стоящее, в порыве чувств сжимал мою руку.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, Стас подарил мне лодочку из дерева.

– Я сам ее вырезал! – гордо сказал он.

– Спасибо! – поблагодарила я, с восторгом разглядывая лодочку. Она была прекрасной: проработан каждый изгиб, даже скамеечка тщательно прорезана. На дне были краской написаны наши имена.

Мне тоже захотелось ему что-нибудь подарить, хотя его день рождения уже прошел. Что-то памятное. Стаса крестили в день Святого Серафима, и я выбрала натальную иконку: зашла в часовенку недалеко от школы и купила, потом шла домой и гладила ее. Я не знала, понравится ли Стасу мой подарок, – никто из мальчиков, которых я знала, подобного не носил. Но Стас тут же надел иконку и сказал, что никогда ее не снимет.

Записки, открытки, рисунки, лодочка... Вещи, подаренные Стасом. Стасом из прошлого. Я всегда разделяю их. Мальчик из детства не имеет никакого отношения к Чудовищу, которое я вижу каждый день в школе.

Вдвоем со Стасом мы часто бегали к деду на работу. Дойти туда уже было приключением: путь занимал целый час. Зато, войдя в его каморку охранника, мы попадали в удивительный мир. Я обожала это место – маленькую, но очень уютную комнату. На одной стене там висел портрет Армстронга, другая состояла из книжных полок: Стругацкие, Беляев, Брэдбери, Уэллс... Дедушка обожал фантастику. А еще у него было много сборников поэзии.

В каморке пахло ромашковым чаем: дедушка всегда пил именно его, по совету врачей, из-за больного желудка. Мы ненавидели этот ужасный горький чай, морщились, но пили за компанию. Это было традицией, а традиции нельзя нарушать. А еще дед угощал нас каменными пряниками, которые лежали в этой каморке, наверное, с самой ее постройки.

Мы со Стасом садились в старое кресло – забирались с ногами, пихая друг друга, чтобы выкроить себе место, – и, укрывшись пледом, смотрели на деда. У него голубые глаза, все лицо в смешных ямочках, бороды совсем нет. Волосы короткие и седые. Он рассказывал нам стихи – разные, странные, всех времен и народов. Особенно мне запомнилась одна английская баллада про исповедь смертельно больной королевы Британии². Мы переписали слова и разучили наизусть. Половину мы не понимали, а другую перевирали, но по непонятной причине эта баллада запала в душу нам обоим. Иногда я бегала к деду тайком, одна – мне хотелось первой услышать какое-нибудь новое стихотворение, чтобы потом рассказать его Стасу самой.

Но чаще мы все же бывали с Койотами. И наш боевой отряд очень много играл в войну. Правила придумал Стас.

Нужно разделить на две команды. Каждая выбирает в лесу место для лагеря. Лагерем служит огороженный камнями круг на земле. В центре надо воткнуть флаг – палку с привязанной тряпкой. Задача каждой команды – найти лагерь врага и забрать флаг.

В каждой команде есть защитники и разведчики. Защитники охраняют лагерь, разведчики отправляются захватывать вражеский флаг.

В твоём распоряжении три разрывных гранаты (шишки), один автомат и один пистолет (на пульках).

У каждого к одежде на груди пришит пакетик с краской – если попадут туда, ты убит. А если ты убит – иди домой. Попали в руку или ногу – ты парализован и должен оставаться на месте, пока не произнесешь вслух десять раз слово «бронепоезд».

Пожалуй, самое важное правило – никогда не разговаривай с тем, кого собираешься «убить». Этому правилу надо следовать всегда. Враг может провоцировать тебя, пытаясь вовлечь в разговор, чтобы ты замешкался. Разговор делает врага сильнее.

Последнего правила не было в списке. Я приписала его сама, на основе личного опыта. Когда ты внезапно нападаешь на врага, он использует все средства, чтобы потянуть время. В одну из таких войн враг пытался доказать мне, что он «не в игре». Уверенно нес чушь о том, что только что видел в лесу физрука и тот сказал, будто бы в школе взорвалась бомба. Я что-то

² «Королева Элинора», английская народная баллада.

спросила в ответ и получила пулю. Вот поэтому – не разговаривай с врагами. И не слушай их. Ну, только с теми, кого собираешься «убить», а ведь можно и взять в плен. Пленные иной раз оказывались довольно полезными – их можно было пытать крапивой и щекоткой, и они сами разбалтывали, где находится их лагерь.

Мы бегали по лесу, обстреливали друг друга. Помимо захвата флага, придумывали всякие задания – например, найти во вражеском логове секретную формулу нового биологического оружия. Формула оказывалась куском коры – ее прятал кто-нибудь из наших в какое-нибудь дупло. Либо нужно было разгадать код к вражескому бункеру. Опять же кто-то писал на земле слово, буквы в котором были перепутаны, и нужно было отгадать.

Вот так проходило мое детство – с Дашкой и мальчишками. Эти две дружбы я всегда разделяла: Дашке наши войнушки были неинтересны. Она любила совсем другое – листать яркие журналы, тайком красить губы маминой помадой, плести косички, писать дневники, заполнять их яркими рисунками и наклейками. Дашка собирала плюшевых мишек, носила пышные юбки. Любила классики, пикники, розовые рюкзачки и солнечные очки. Фантазировать. Выдумывать диких животных, королевства, принцев и принцесс. Эти две дружбы были как два разных мира. Я подстраивалась под оба, принимала и те и другие интересы. Много раз думала: а что же люблю я? Какая я? Но эти вопросы ставили меня в тупик.

Мне исполнилось двенадцать лет. Мы со Стасом стояли на пустыре и смотрели на костер, в полном молчании, он держал меня за руку. Наш маленький ритуальный костер – я сжигала ту самую пустую пачку из-под мармеладок, подаренную отцом, и навсегда прощалась с детством. Вдруг Стас развернулся ко мне и прижался лбом к моему лбу. Я думала, он меня поцелует, но этого не произошло. Он сжал руками мою голову, сильно-сильно, и прижался лбом еще крепче. Это означало многое. Годы дружбы со Стасом научили меня, что нам не всегда нужны слова. Мы научились разговаривать взглядами или действиями. Мы простояли так долго, закрыв глаза, вдыхая запах дыма. Что за этим скрывалось? Поддержка. Участие. Сожаление. Боль. Простыми словами не выразить то, что Стас передавал мне в тот момент.

Глава 3

За день до моего изгнания мы снова играли в войну. В нашей команде было пять человек: мы со Стасом и Костей – разведчики, остальные охраняли флаг.

Мы отправились искать вражеский лагерь. Ступали тихо как мышки, шли, пригибаясь, чтобы нас не увидели враги. Пробирались через густые заросли и не заметили вражеского разведчика – он выстрелил в нас и попал в Костю. Костя убит.

– Черт, – выругался он. – Ну ладно, я пошел домой.

Мы со Стасом убежали и скрылись в овраге. Одного из врагов мы нашли довольно быстро. Им оказался Толик – он прятался рядом в кустах, но не видел нас. Мы осторожно подкрались к нему. Стас выстрелил и важно сказал ему:

– Ты убит, иди домой.

Толик тоже ушел. Мы выбрались из оврага и побежали в лесную чащу, чтобы продолжить нашу миссию.

– Вижу врага, – прошептал Стас. – Он идет оттуда, значит, их лагерь там. Пошли!

Он повел меня вглубь леса. Мы шли довольно долго, и через некоторое время я, не выдержав, спросила:

– Может быть, ты все-таки ошибся?..

– Нет, надо пройти еще.

Стас уверенно шел вперед. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Становилось все холоднее, я вся дрожала. Наконец впереди замаячил просвет. Мы вышли к ручейку. Это была граница нашего военного поля. За реку заходить не разрешалось.

– Пойдем влево, – сказал Стас.

Я послушно поплелась за ним.

Идти вдоль ручья было еще холоднее, у меня уже начали стучать зубы. Хотелось, чтобы «война» побыстрее закончилась. Втайне я мечтала о том, чтобы меня «убили» и можно было пойти домой, где так тепло и сухо.

– Слышишь это? – спросил Стас через пару минут.

Я остановилась и прислушалась.

– Нет, я ничего не слышу. Хотя... – До меня донеслись тихие голоса и смешки.

– Мы нашли их лагерь! – Стас улыбнулся. – Пригнись, мы будем ползти.

И мы подползли. Но, раздвинув колючие кусты, мы увидели...

– Это не они! – удивленно сказала я.

Возле ручейка у костра сидели мальчишки, на вид наши ровесники, но покрупнее нас. Они прислоняли ко рту целлофановые пакеты, и с каждым вдохом и выдохом пакеты то сжимались, то надувались снова. В нос ударил запах дыма и чего-то резкого, вроде краски.

– Чего они делают? – шепотом спросила я.

– Нюхают клей, – ответил Стас.

Я во все глаза смотрела на ребят. Я знала, что некоторые нюхают клей, чтобы расслабиться и поймать глюки, но никогда не видела, как это происходит.

– Пойдем отсюда, – сказал Стас.

Но тут один из ребят посмотрел в нашу сторону и крикнул:

– Эй!

Бежать было поздно. Мы растерянно переглянулись, сорвали пакетики с краской с груди, выбросили их, чтобы нас не засмеяли, и вышли из укрытия.

– Привет. – Один из парней подошел к нам. Он был в грязных джинсах и рваной толстовке. Он улыбался, и от его улыбки я поежилась – все зубы оказались коричневыми.

Он посмотрел на Стаса, а потом и на меня.

– Привет, – пискнула я.

– Чего вы подглядываете? – прошипел он. Улыбка у него была страшная, но вот глаза мне показались очень добрыми.

– Мы не подглядываем, – уверил его Стас, – мы просто ищем своих... ребят и подумали, что это они здесь сидят.

Парень кивнул и, заметив, как я дрожу от холода, предложил:

– Вы замерзли. Пойдите с нами, погрейтесь у костра.

– Нет, спасибо, нам нужно идти... – начал было Стас, но я дернула его за рукав:

– Пойдем погреемся, пожалуйста!

Стас с сомнением оглядел чужую компанию. Он не доверял им и хотел побыстрее убраться отсюда. Но я так замерзла, что совсем не думала об осторожности. Мне хотелось к костру... И парень смотрел так по-доброму, ну что плохого он мог сделать?

– Ну, пойдем, – нехотя согласился Стас.

Мы направились к огню и стали знакомиться с ребятами. Если бы я знала, что скоро они сожрут моего Стаса – того, которого я знала... а то, что они прожуют и выплюнут, будет тем, в кого он превратился теперь. Если бы мы сбежали или просто пошли другой дорогой и не наткнулись бы на эту компанию, все могло бы быть по-другому... Но прошлое не вернуть.

Они были из тех мальчишек, которые в семь лет ткнут вас горячей палкой, если вы не отдадите им мячик, а в пятнадцать попросят мелочь, и если вы откажетесь, только бог сможет вас уберечь. Но мы этого не знали. Мы никогда не имели дела с такими людьми, не догадывались, что их стоит бояться. Мы по-настоящему не сталкивались с опасностью и даже не знали, что у опасности могут быть удивительно добрые глаза... и плохие зубы.

Мы подошли к костру. Запах клея стал почти невыносимым.

– Круч, – протянул руку парень, который первый заговорил с нами.

– Тома. – Я пожалала его горячую сухую ладонь. – Что это за странное имя – Круч?

Он хохотнул.

– Это кличка. Так сказать, боевое прозвище, дали за то, что я в драках суставы круто выкручиваю. А так меня Димоном звать. Но вы зовите меня Круч.

Говоря, Круч растягивал свистящие и шипящие.

– Стас, – пожал ему руку Стас.

Остальные ребята, стоявшие вокруг костра, тоже поздоровались с нами. Выглядели они довольно странно: один весь в прыщах, у второго голова слишком большая и круглая, у третьего не хватает переднего зуба. На всех – грязная одежда. Возле костра валялись пустые бутылки, пакеты и тюбики.

Я отвела взгляд. Подошла ближе к огню и почувствовала, как по телу разливается приятное тепло. Замерзшие руки начали постепенно отогреваться.

– Сколько вам лет? – Круч повернулся к нам.

– Ей двенадцать, мне тринадцать, – ответил Стас.

– Но тебе еще не тринадцать! – возмутилась я. – Будет только в декабре.

Круч хохотнул:

– У – у-у, малышня.

– А тебе-то самому сколько? – хмыкнул Стас.

– Тринадцать. Уже исполнилось, – ответил Круч и высокомерно посмотрел на Стаса. –

Где вы живете, Слав?

– Я Стас.

– Где вы живете? – Круч проигнорировал его.

– На Заречной улице, – ответила я.

Стас ткнул меня локтем в бок, и я опустила глаза. Я не должна была вот так сразу выкладывать незнакомым ребятам такие вещи! Что я наделала... Круч заметил этот тычок и снова

раздраженно взглянул на Стаса. Он явно ожидал, что мы в ответ спросим, где живут они, но Стас промолчал, а я побоялась спрашивать. Но Круч сам нам сказал:

– А мы за питомником. Ну, знаете, там такие бараки двухэтажные? Вот мы оттудова. Прости, я снова забыл твое имя... Славик? – Круч дерзко посмотрел на моего друга.

Что-то мне не понравилось в этой игре. Он не мог не запомнить имя Стаса, просто не мог. Он делал это специально, но зачем? Чтобы показать свое первенство? Показать нам, что в его иерархии мы находимся в самом низу и наши имена запоминать не имеет смысла?

– Я Стас, – холодно уточнил мой друг.

– А вы где учитесь, Тома и Ста-а-сс? – Круч издевательски растянул имя.

Он спрашивал нас обоих, но смотрел только на меня. Я вопросительно посмотрела на Стаса, глазами спрашивая разрешения ответить. Круч встал между нами и опять хохотнул.

– А что ты все время на него смотришь? Он что, папка твой? Сама отвечай, когда тебя спрашивают.

– Не дави на нее, – вступился Стас. – Не хочет отвечать, значит, не будет.

– А что это ты решаешь, кто отвечает, а кто нет? – Круч сощурил один глаз. – Я тут главный. И я решаю, кому давать слово, а кто будет молчать. И что-то мне подсказывает, что девчонка твоя хочет с нами говорить, а вот ты нет. А ну отвечай, – он грубо обратился ко мне, – из какой вы школы?

Я была уверена: ему все равно, где мы учимся, просто нужно добиться ответа. Показать Стасу, что здесь все по его правилам.

– Из второй, – пискнула я, низко опустив голову.

Круч удовлетворенно улыбнулся и обратился уже к Стасу:

– Вот то-то. Знаешь ли, это не очень вежливо – мы пригласили вас в наше место. Предложили погреться, а вы шугаетесь, будто мы враги. Приличные гости так себя не ведут.

Мальчишки разразились дружным хохотом. Мне стало совсем не по себе.

– Расскажи нам, как вы здесь оказались? Одни, в лесу? – И снова взгляд на меня.

Я больше не искала глазами Стаса. Смотрела в землю.

– Мы здесь не одни. Здесь еще наши друзья.

– И где же они?

– Где-то в лесу. Мы... разделились.

– Сколько ваших друзей?

– Девять.

– Хм... И сейчас вы не знаете, где они?

– Нет.

– То есть сейчас никто не знает, что вы здесь?

Это все больше напоминало допрос. Зачем ему знать все это?

– Нет, – машинально ответила я и тут же пожалела об этом. Захотелось сбежать. Я осторожно предложила Стасу: – Может быть, пойдём?

– Пойдите с нами еще минут пять. – Круч положил руки на мои плечи. Я вздрогнула. – Вы еще не прогреблись.

Мы остались, потому что боялись сделать себе хуже. Мальчишки стали наматывать на палки пакеты и совать в костер. Пакеты съезжались, их охватывало голубое пламя, расплавленный целлофан капал в костер. Вскоре Круч и другие принялись размахивать горящими палками, окатывая друг друга брызгами. Они выглядели... дико: делали резкие движения, странно смеялись – смех выходил сухим и дерганым, как и обрывочные фразы, которые не всегда можно было понять.

Один из ребят посмотрел на Стаса и криво усмехнулся.

– Мне не нравится твоя куртка! Она слишком чистая! – Он замахнулся на Стаса палкой. Брызнули капли расплавленного целлофана.

– Эй! – возмутился Стас и поспешно стал отряхиваться. – Ты что, с ума сошел? Ты вообще думаешь, прежде чем что-то сделать?

– Что ты сказал? – взбрыкнул тот.

Я вся сжалась. Мне не хотелось ссориться с этими взрослыми ребятами.

– Спокойно, Быра. – Круч похлопал его по плечу.

– Но, Димон, он назвал меня сумасшедшим! – Парень все еще пытался кинуться к Стасу. – И тупым!

– Нет! – заспорил Стас. Ему тоже не хотелось конфликтов. – Я сказал, что прежде чем что-то сделать, надо подумать.

Но Круч серьезно посмотрел на Стаса:

– Ты ясно дал понять, что считаешь Быру тупым и недалеким.

– Но я вовсе не считаю...

– Ты СКАЗАЛ это. Это ТВОИ слова.

Круч улыбался, и мне не нравилась его улыбка. Он вел какую-то жестокую словесную игру, смысл которой я не понимала. Стас потянул меня за рукав.

– Тома, мы уходим.

Я быстро сделала шаг от костра, но Круч встал прямо перед нами. Его глаза нехорошо сверкали.

– Мы слишком тупые и ненормальные для общества такого важного ферзя, как ты?

Стас сжался.

– Нам пора... домой, – сказал он. – Спасибо, что разрешили погреться.

Он сделал шаг вправо, чтобы обойти Круча, но тот преградил дорогу. Я спряталась за Стасом. Круч улыбнулся своей коричневой улыбкой.

– Уходите? А я вас отпускал?

Стас замешкался, но повторил:

– Нам пора домой. Родители будут беспокоиться.

– Родители? – Круч ухмыльнулся шире. – Ха! У вас нет родителей!

Что он такое говорит? Я вцепилась Стасу в куртку. Остальные ребята отошли от костра и обступили нас кругом. Они смотрели, но ничего не говорили, только улыбались. Я тихо переспросила:

– Как нет?

Круч посмотрел на меня, и я поежилась. Его глаза казались сначала такими добрыми, но сейчас я видела взгляд монстра.

– Так нет, – передразнил он. – Вы их больше не увидите. Сегодня отправляется наш корабль, и мы берем вас с собой. Ну, вообще-то, ты мне не нужен, – он ткнул пальцем в грудь Стасу, – а вот ее мы оставим себе!

Круч схватил меня за куртку и потянул на себя. Я взвизгнула, к горлу подступил предательский комок. Он говорил так уверенно, что я поверила, даже не задумывалась о том, что слова о корабле могут быть шуткой.

– Нет! – Я всхлипнула. – Нам надо домой! Я не хочу на корабль, Стас, скажи им...

И Стас твердо ответил:

– Мы уходим домой вместе. Вы никуда ее не заберете.

Круч подошел к Стасу и прошипел ему в лицо:

– Ты мне не нравишься. Ты слишком борзый. Шуруй отсюда. А вот девчонку мы оставим.

Стас оттолкнул его и выкрикнул:

– Мы уходим!

Но кто-то подскочил со спины, схватил его за плечи и резко потянул назад. Стас упал на землю. Круч. Этот монстр. Зверь подошел и наступил ему на грудь.

– Ты. Будешь. Делать. То. Что я. Прикажу. Понял?

Я заплакала. Зверь обернулся и с яростью посмотрел на меня:

– Заткнись! Или я привяжу тебя за волосы к дереву, а ночью вороны выключат твои глаза.

Я в ужасе замолчала, закрыла лицо руками. Хотелось кричать, кричать так громко, чтобы услышали наши ребята. Они же где-то там, в лесу... Они должны спасти нас. Но я молчала. Прикусила губу. Перед глазами стояла ужасная картина – вороны клюют мое тело.

Стас неподвижно лежал на земле, а мне так хотелось, чтобы это все оказалось игрой. Чтобы сейчас Круч лопнул на его груди пакетик с краской и сказал спасительные слова: «Ты убит. Иди домой». Я была согласна даже, чтобы меня взяли в плен. Я с радостью рассказала бы им, где находится наш лагерь. «Ты убит. Иди домой» – все, чего я хотела. Но враги молчали, а пакетиков с краской больше не было. Они валялись где-то в кустах.

Круч обвел властным взглядом своих друзей.

– Враги на нашей территории. Что мы будем с ними делать?

– Мы не враги, – пискнула я.

– Вы на нашей территории. Все свои здесь, значит, вы чужие, а все чужие – враги. Вы без разрешения пришли сюда, и поэтому вас ждет наказание. Ну? Тоха, Игнат, Быра, Червяк? Как мы справимся с врагами?

Я задрожала и села на корточки возле Стаса. Он сделал попытку подняться, но Круч снова отправил его на землю.

– Повесим их! Сожжем их! Порежем им вены! – раздавалось со всех сторон. Мальчишки обступали нас плотнее. В руках у них были палки.

Они смыкались над нами – вопли, визги, стук палок о землю. Кольцо сжалось настолько, что, несмотря на холод, мне стало душно, не хватало воздуха. Парень справа больно ткнул меня в бок, а слева кто-то дернул за волосы. Я задрожала и зажмурилась. Они играли, как и мы, – в войнушку. Но их игра была страшной и гораздо более жестокой.

– Пожалуйста, отпустите нас, – тихо взмолилась я.

– Чего она там пищит? – рявкнул Круч.

– Отпустите нас! – сказала я громче, но голос все равно получился слабым.

– Отпустить? Ну уж нет! Мы сейчас поиграем в одну интересную игру. Вставай!

Круч и еще один парень грубо подняли Стаса. Он смотрел на них гордо, с ненавистью и молчал. Круч держал его за куртку.

– Ты что-то много о себе думаешь. Слишком гордый. Я сказал тебе идти, а ты остался. У тебя был шанс, но ты его упустил. А ты... – он посмотрел на меня.

– Я не гордая, честно! – проговорила я, ощущая, как текут слезы по лицу. Мне не хотелось злить их.

– Докажи! – Монстр улыбнулся.

Я растерянно хлопала глазами.

– Как?

– Встань на колени!

Я замешкалась на пару мгновений. Мне не хотелось унижаться, и я видела по глазам Стаса: он тоже не хочет, чтобы я слушалась. Но я очень боялась, что мне сделают больно, если я не подчинюсь. И я встала на колени, глядя только в землю.

– Послушная девочка! Молодец! – сказал Круч.

Мальчишки хохотнули.

– Вы двое – друзья? – спросил он. Я почувствовала его злобный взгляд.

– Друзья. – Мне было страшно смотреть на Круча, страшно подниматься на ноги. Мальчишки возвышались надо мной, как чудовищные великаны.

– Спорим, что нет!

Я удивленно подняла глаза:

– Но мы правда друзья! Мы лучшие друзья!

– На что вы готовы друг ради друга? – Круч сильно встряхнул Стаса. – А, отвечай?

– Не знаю... На все, – нехотя ответил он.

– На все, говоришь... – Круч задумался. Почесал затылок. А затем на его лице появилась хитрая улыбка. – Поиграем в ката в мешке!

Я сжалась, и тут же кто-то сзади резко схватил меня и что-то натянул мне на голову. Стало темно. Я закричала и попыталась снять это. Руки нащупали гладкую поверхность пластикового пакета.

– А ну, не ори! – раздался рядом сердитый голос. – Это всего лишь пакет. Будешь орать, я завяжу его, и ты не сможешь дышать. Так что убери руки.

Я послушно отдернула руки и замерла. Сидела с пакетом на голове, ничего не видела вокруг. В пакете было жарко и плохо пахло. Я жадно глотала воздух.

– Пустите ее! – раздался крик Стаса. Я услышала звуки борьбы.

– Что ты сделаешь ради своей подружки? – крикнул в ответ Круч.

– Отпусти ее! Ты пожалеешь об этом! Я найду тебя! Найду везде!

– А ну, заткнись! Ты нарушаешь правила игры. Что ты сделаешь ради своей подружки? Давай проверим? Ты будешь выполнять наши приказы, или ей будет больно.

Мне заломили руку за спину. Я пронзительно завизжала.

– Вот так. Это чтобы ты понял, что мы не шутим. Чтобы такое интересненькое придумать... О, придумал!

Я услышала, как что-то разбилось.

– Ешь стекло!

Это звучало безумно.

– Не буду! – упрямо ответил Стас.

– Ах, не будешь? Ну, тогда...

Меня с силой потащили куда-то. Стало очень жарко, пакет прилип к лицу. Костер! Они толкали меня в огонь! Я закричала, чувствуя, как плавится пластик. Казалось, плавится кожа на моем лице. Резкий запах жженой пластмассы забился в нос.

– Пустите ее! – крикнул Стас.

И меня отпустили. Я отпрянула, но тут же упала, опять услышала звуки борьбы. Пакет облепил лицо, стало невыносимо трудно дышать, я схватилась за него и потянула вниз. Соскребла с лица наполовину расплавленный пластик. Жадно вздохнула.

Стаса держали двое. Круч стоял перед ним.

– Ну? Ты будешь есть стекло? Или нам снова поджарить твою подружку?

Стас растерянно посмотрел на меня. Я отвела взгляд. Что ему ответить?..

– Ешь стекло! Ешь! Ешь! Ешь! – загалдели мальчишки. Снова над нами сомкнулось жуткое кольцо. – Ешь стекло! Ешь стекло!

Стас медленно подошел к кучке осколков на земле. Его глаза были пустыми, лицо не выражало ни одной эмоции. Но я знала: ему страшно, очень страшно. Этот его взгляд я видела впервые. Стас оказался в ловушке, из которой не выбраться. Дрожащей рукой он взял одно из стеклышек, посмотрел на него... и засунул в рот. Я услышала хруст. Мальчишки радостно завопили. Но тут же Стас выплюнул стекло вместе с красным сгустком слюны.

– Не буду! – крикнул он, и его взгляд вспыхнул. – Вы ничего ей не сделаете, не посмеете ее тронуть. Вы просто пугаете нас.

Круч прошелся из стороны в сторону. Похоже, он задумал что-то новое.

– Ты прав, – наконец ответил он. – Мы не тронем твою подружку. Мы даже можем ее отпустить.

Я с надеждой подняла глаза. Что он сказал? Отпустить меня?

– Да, да! – Зверь посмотрел на меня. – Я отпущу тебя. Если сделаешь одну вещь.

Я была готова на что угодно! Я поднялась на ноги и спросила:

– Что нужно сделать?

Круч взял пустую бутылку, разбил о камень. Протянул мне горлышко с острыми краями.

– Порежь ему вены!

Казалось, я ослышалась.

– Что?..

– Перейди на нашу сторону. Он враг. Его нужно наказать. И это сделаешь ты. А если не сделаешь, то я очень сильно рассержусь на тебя.

Я задрожала. Трясущимися руками взяла горлышко, ничего еще не осознавая до конца. А мальчишки уже схватили Стаса, задрали ему рукава по локоть и выставили вперед руки.

– Ну же, смелее! – Круч подтолкнул меня в спину.

Я посмотрела на Стаса, но он отвел взгляд. Что делать? В ту минуту мной владел только ужас, я совсем не думала о том, какой подлости от меня требуют. Боялась одного: что мне сделают больно. И казалось, мне все равно, что произойдет со Стасом. И я сдалась, провела по его запястьям... но тупой стороной стекла, чтобы не причинить боли. Круч разозлился, отобрал у меня стекло и, выбросив его, рывкнул:

– Ты делаешь все неправильно! Одно слово – девчонка... Девчонки ничего не могут сделать нормально. От них одни сопли и слезы.

Он толкнул меня, я упала на землю и заплакала. Круч склонился надо мной.

– Ладно, не реви. – Это он сказал мягче.

Но я, подтянув колени к груди, тихо всхлипывала. В голове крутилась единственная мысль: «Не трогайте меня. Не причиняйте мне боли!»

– Посмотри на меня, девочка, – продолжал Круч. – Ты дрожишь? Не бойся. – Он погладил меня по голове. – Твой друг слишком грубый, его надо научить хорошим манерам. А ты иди. Ты послушная девочка, а послушных девочек мы отпускаем.

Я подняла глаза. Он... отпускает меня? Просто так? Не веря счастью, я посмотрела на Стаса. Его все еще держали за руки.

– Мы отпустим его... чуть позже. – Круч проследил за моим взглядом. – Поиграем с ним и отпустим. Мы просто пошутим. Ничего ему не сделаем. А ты иди.

А потом он склонился над моим ухом и прошептал:

– Но если ты кому-нибудь скажешь о том, что увидела, мы убьем его. А потом я приду на твою улицу, найду тебя и разрежу тебе живот, вот здесь, – он дотронулся до моего живота, – и выпущу тебе кишки. Я намотаю их на забор, и птицы будут их клевать. Иди, девочка.

Я вскочила. Я все еще не верила, что свободна.

«Ты убит. Иди домой».

Я повернулась и побежала. И даже не посмотрела на Стаса. Мой кошмар кончился.

– Беги, крольчишка! Беги, да не оглядывайся! – кричали мне вслед. Но я думала только о своей свободе.

Я бежала в лес, изо всех сил – а вдруг монстры передумают? Я бежала в самую густую чащу, чтобы меня не смогли найти. Я спотыкалась о корни, падала, снова поднималась и бежала. Зубы стучали. Удары сердца пульсировали в висках. Я не думала о том, что делают со Стасом, – только о том, что мне удалось спастись и это хорошо.

Но когда я выбежала в город, мне стало спокойнее. Здесь люди, они защитят меня... Я снова подумала о Стасе. Надо рассказать кому-нибудь, позвать на помощь...

Осмотревшись, я заметила спешащую куда-то деловую женщину с телефоном в руках. Она находилась ближе всего ко мне, и потому я ринулась к ней.

– Простите... – сбивчиво начала я. – Пожалуйста, помогите. Там, в лесу...

– Мелочи нет, – грубо оборвала меня женщина, не отрываясь от телефона, и ускорила шаг.

Я застыла. Проводила женщину взглядом, ничего не понимая. Как же так? Я же попросила помощи у взрослого человека. Почему она отвернулась? Почему не стала даже слушать? Я снова осмотрелась и заметила курящего мужчину, стоящего у урны. Я подбежала к нему.

– Простите, мне очень нужна ваша...

Он повернулся, и сердце рухнуло вниз. У мужчины были очень темные зубы и неприятное лицо. Он осмотрел меня с ног до головы и плотоядно улыбнулся:

– Что ты хотела, милая?

Я попятилась в страхе.

– Нет, ничего.

Я убежала. Нет, этот мужчина не поможет мне, а если я пойду с ним в лес, то могу не выйти оттуда живой. Я ринулась в сторону дома. Страх и отчаяние полностью завладели мной, из глаз потекли слезы. Мозг отказывался думать. Я хотела побыстрее запереться в своей комнате, спрятаться, и чтобы все происходящее оказалось плохим сном.

Я примчалась на свою улицу. Пробегая мимо дома Стаса, остановилась в нерешительности. Стоит ли рассказывать обо всем нашим семьям? Наверное. Но... родные запрещали нам играть в лесу, считая, что там может быть опасно. У нас со Стасом была договоренность: если мы нарушаем правила, то ни за что не рассказываем об этом взрослым. Если я сейчас выдам, что мы играли в лесу, нас накажут. И Стас может рассердиться. Нет, родным говорить нельзя.

Я прибежала домой. Бабушка занималась своими делами и не видела, в каком я состоянии. Я влетела в свою комнату, захлопнула дверь и только тут спохватилась: почему в лесу, едва спасшись, я не ринулась искать нашу компанию? Вот кто мог бы помочь Стасу – друзья! Почему эта мысль не пришла сразу? Что я за трусиха... Но, может, еще не поздно? Что, если вернуться и найти друзей? Я потянулась к дверной ручке, и тут в голове раздалось: *«Но если ты кому-нибудь скажешь о том, что увидела, мы убьем его. А потом я найду тебя...»*

Рука зависла в воздухе. Живот свело. Они убьют меня и Стаса, если я расскажу.

Я вдохнула и выдохнула, открыла дверь уже без прежней решительности. Медленно и неохотно спустилась по лестнице и попала на глаза бабушке.

– Тома, вернулась! Отлично, сейчас будем ужинать...

– Нет, я только на секундочку зашла, я пойду... – начала я.

– Куда в такой час? – удивилась бабушка. – Уже очень поздно.

– Но мне нужно к Стасу.

– Завтра увидите, на сегодня никаких гулянок, – строго сказала бабушка. – Садись за стол. – Тут она ко мне пригляделась. – Ой, а что у тебя с лицом? Ох уж эти ваши игры. Иди умойся.

И тогда я почувствовала, как что-то разжалось в области солнечного сплетения. Не стала спорить с бабушкой. Она взрослая. Она все решила за меня. Стало легче. Я пошла в ванную умываться и посмотрела в зеркало. Лицо было в черной копоти, с налипшими кусочками пластика. В глазах застыл страх.

За ужином я жевала еду механически и не чувствовала ее вкуса. Все силы уходили на то, чтобы убедить себя: я поступила правильно. Со Стасом не произойдет ничего плохого. Они отпустят его. Круч обещал. «Поиграем и отпустим». Но только если я буду молчать.

После ужина я вернулась в свою комнату. Нырнула под одеяло с головой.

Здесь мой дом. Моя крепость. Здесь никто меня не тронет.

Глава 4

Я проснулась и с удивлением осмотрела себя – я легла спать в одежде? Почему? Секунда – и я все вспомнила. Вскочила с кровати, ринулась в ванную.

Бабушка крикнула:

– Тома, завтракать!

– Я попозже! – отозвалась я, быстро натянула джинсы и кроссовки и выбежала из дома.

Стас! Мой Стас! Я молилась, чтобы он был у себя.

Добежав до дома Шутовых, я позвонила в звонок. Вышла его мама, бледная и грустная.

– Тома, Стаса забрали в больницу, – сказала она.

– Что? Почему? – Сердце заколотилось.

– Ох, ничего непонятно. Он пришел вчера избитый, говорит, напали на него. Ухо все в крови и в копоти... – Она осеклась; глаза заблестели от слез. – А сам молчит, ничего не объясняет. За что же нам такое... – Она глубоко вздохнула, чтобы подавить рыдания.

Я похолодела. Стас в больнице... значит, *они* сделали с ним что-то ужасное? Что с его ухом, почему оно в крови? Как же так... Ведь ничего не должно было случиться, я выполнила все условия, я молчала. Я должна была спасти Стаса своим молчанием, а оказалось... сделала все наоборот? Ох, если бы можно было повернуть время назад, то я бы не послушалась бабушку и побежала бы искать друзей. Все вместе мы бы помогли Стасу.

Все внутри меня сжалось от вины. Я будто впала в ступор.

– Ты с ним случайно не была вчера? – спросила мама Стаса.

– Нет, – быстро ответила я. – Мы не виделись.

Мама горестно покачала головой.

– Я сейчас поеду к нему. Хочешь, поедем вместе? Навестишь его? Он будет рад.

Я испуганно замотала головой. Я сама не отдавала себя отчета в том, что говорю:

– Я не могу сейчас, мне нужно уехать. Но я обязательно навещу его.

Я не хотела, чтобы Стас видел меня. Мне было стыдно за то, что я сбежала, и за то, что никому не сказала о случившемся. Я была так виновата перед Стасом... и перед его мамой... Я опустила взгляд на свои кроссовки и сочувственно выдавила:

– Это ужасно... Все, что с ним произошло. Тех, кто напал на него, еще не нашли?

Она покачала головой.

– Мы подали заявление в полицию. Стас не рассказывает, кто это сделал. Говорит, не знает, ничего не помнит, не может описать. Может быть, это из-за шока, и он все вспомнит и подробно опишет этих хулиганов. И тогда их найдут и накажут. Бедненький мой... – опять она стала всхлипывать и повторила: – За что же нашей семье такое наказание?

Стас не помнит, как выглядели чудовища? Как же так? У меня их лица до сих пор стоят перед глазами. И они говорили, что живут в бараках за питомником. А там этих барачков всего ничего. Или Стас тоже это забыл? Нет, невозможно! Почему тогда скрыл? Я совершенно растерялась. Может... самой рассказать правду? Преступников быстро найдут. Но тогда придется рассказать и о том, как трусливо я вчера сбежала. Да и только что я уже соврала маме Стаса о том, что ничего не знаю. Как я буду смотреть ей в глаза? Она меня возненавидит. А что подумают бабушка с дедушкой? Они с детства учили меня помогать другим, а я не смогла помочь лучшему другу и бросила его в беде!

Мне было очень плохо. И я хотела одного – побыстрее распрощаться с мамой Стаса. Этот разговор причинял мне боль, внутри разрасталась вина.

Наконец, попрощавшись, я пошла домой, думая о том, что услышала. Стас хотя бы вернулся – это хорошо. Хорошо уже то, что они отпустили его живым. Этим я себя и успокаивала. Стас поправится, твердила я себе. Мы забудем об этом, и все будет как раньше.

По дороге я встретила Койотов. Они обступили меня и загалдели:

– Тома! А мы к тебе заходили! Мама Стаса сказала, что он в больнице! Почему?

– Мы ничего не понимаем. Куда вы вчера делись?

– Что произошло?

Они напирали, ждали немедленных ответов, не оставляя мне времени подумать. Но что им сказать? Правду о том, что я бросила друга? Как признаться в таком, когда они все здесь, весь наш отряд? Как я скажу, что оставила командира в беде и позорно сбежала?

– Я не знаю, – соврала я. – Вчера мы разделились.

– Но ты тоже куда-то пропала! – Виталик подозрительно смотрел на меня.

Я продолжала лгать. И удивительно, каждая новая ложь давалась быстрее и легче:

– Я споткнулась о корень и упала. Пакетик с краской лопнул. Мне пришлось идти домой, а то все бы считали, что кто-то меня убил, а я всех обманываю. Так что я... ушла, а сегодня утром узнала о том, что Стас в больнице.

– Его мама говорит, кто-то побил его. Не представляю, кто и где! – Мальчики расстроено переглядывались.

– Ух и попадутся нам те, кто это сделал! – Виталик погрозил кулаком дереву. – Мало им не покажется!

– Да, это точно! – Я испуганно посмотрела на его огромные руки. Нет... сейчас точно нельзя открывать правду, это неподходящий момент: меня просто разорвут на части.

Мы разошлись по домам. Никто так и не узнал правду о моем поступке. В следующие дни я раз за разом приходила к дому Стаса, звонила в звонок и спрашивала, когда его выпишут. Я не знала, что мне теперь делать. Я тонула в своем вранье. Я осознавала: когда Стас выйдет из больницы, мне придется всем всё рассказать.

Из больницы он вышел только через полторы недели.

В тот день, когда я в очередной раз пришла к маме Стаса, она сказала, что он ушел к ребятам. Я догадалась: бежать нужно к Бункеру. И я не ошиблась. Стас и Койоты были там.

Я сразу бросилась к своему другу, крича: «Стас! Стас!» – но замерла шагах в двадцати от ребят. Они стояли в линию и молчали. Правое ухо Стаса было плотно забинтовано; на его руках и лице виднелись заживающие ссадины. Все смотрели на меня: Стас – с ненавистью; остальные – с презрением. Я поняла: они уже все знают. Стас им рассказал.

Я испугалась, отступила. Стас наоборот сделал шаг в мою сторону, и я поняла, что не узнаю его. Ни тени прежней улыбки. Губы плотно сжаты. Казалось, он повзрослел на несколько лет; глаза стали совсем чужими, в них читалось какое-то странное, недоброе выражение. Секунда – и они загорелись бешеным огнем.

– Стас... – пролепетала я, не зная, что еще сказать.

– Я ждал. А ты не пришла. Где ты была? – тускло спросил он.

Я опустила взгляд, стала перебирать пальцами прядку волос. Мне так много хотелось рассказать ему. Как я пыталась привести помощь, но та женщина с телефоном отмахнулась от меня. Как мужчина с темными зубами меня напугал. Как я не понимала, стоит ли рассказывать семьям о произошедшем из-за нашей договоренности. Как уже дома я захотела вернуться и найти отряд, но бабушка непустила... Но в тот же миг я поняла, что это все – путанные отговорки. Я была со Стасом в ту страшную минуту, я бросила его. Он заслуживает знать правду, и сейчас лучшее, что я могу сделать, это не врать ни ему, ни себе. И я просто шепнула:

– Ушла домой...

– А я ждал тебя. Думал, ты позовешь на помощь. Я долго ждал. – Он замолчал.

Я запинаясь. Не могла подобрать слов, кроме:

– Прости... Они так сильно напугали меня, что я...

– Ты – что? – Он грубо оборвал меня, опять обжег взглядом. – Спряталась? Забралась под одеяло? Легла спать?

Я больше не могла смотреть ему в глаза. Стыд сжимал мое сердце.

– Прости, Стас... Но они правда сильно напугали...

– Напугали ее, фу-ты ну-ты, – передразнил он, а потом подошел и стал шептать мне в ухо – тихо, с бездушной отстраненностью. Говорил он быстро, одним предложением, не делая пауз: – Они били меня они заставляли меня есть землю а я ждал тебя думал вот-вот ты появишься и приведешь помощь но тебя все не было а потом они сказали мне лизать их ботинки я отказался и тогда они воткнули мне в ухо горящую палку я кричал и упал и они все били и били я ждал я на тебя надеялся ты могла бы меня спасти врач сказал что у меня лопнула барабанная перепонка и теперь я не могу слышать на одно ухо.

Он замолчал. А я не могла пошевелиться. Не могла сделать вдох. Все это было из-за меня. Я не думала, что до такого дойдет. Не представляла, что люди способны на такую жестокость.

– Я ждал, когда ты позовешь на помощь и вернешься! – снова заговорил, нет, уже почти закричал он. – Но ты просто сбежала и все! В конце концов они отпустили меня, когда от меня ничего не осталось и им просто стало скучно. Это ты во всем виновата!

Я обхватила себя руками, низко наклонив голову. Что я могла ответить? Да, я, и только я была виновата во всем. Позже не проходило и дня, чтобы я не корила себя за трусость. Это я сломала Стаса. И заслужила то, что он потом сломал меня.

– Прости, Стас. Да, я виновата, прости меня, пожалуйста...

– Слишком поздно, – выдохнул он.

Я подняла голову. Он смотрел все так же ожесточенно, с отвращением. Лицо было блее мела.

– Я... хочу, чтобы ты умерла.

Желудок сжался в комок. Стас тихо продолжил:

– Тома... Друзья ведь не предают друг друга. А ты меня...

– Прости... – как заведенная, повторила я, но Стас покачал головой.

– Уже не имеет значения.

В следующую секунду он резко толкнул меня. Я упала, больно ударилась о землю и закашлялась; перед глазами проступила оранжевая темнота. Стас наклонился надо мной и опять зашептал на ухо:

– Я еще отомщу. Я причиню тебе боль, которую ты никогда в жизни не испытывала... – Он сорвался на крик: – Вставай! Встань перед своим командиром, солдат!

С этими словами он грубо поднял меня на ноги, опять посмотрел в упор и заговорил уже другим, командирским тоном:

– Солдат, ты обвиняешься в измене. Ты предала своего командира и навсегда изгоняешься из «Степных койотов».

Он дернул меня за футболку и сорвал значок. Золотистая звезда с красным камешком упала на землю. Стас в последний раз всмотрелся в мое лицо. Этот пустой взгляд принадлежал маленькому мальчику, которого предали.

– Том... Ты была моим лучшим другом, – тихо, с болью сказал он. Замолчал, но тут же продолжил, холодно и резко: – Теперь ты враг. Мой тебе совет – убирайся. Проваливай. И на глаза мне больше не попадайся. Или мы убьем тебя. – Он помедлил. – А если ты кому-нибудь скажешь, я поймаю тебя, разрежу тебе живот и вытащу твои кишки!

Я задрожала. Слова Зверя. Монстра. Нечеловека. А Стас повторял за ним.

Он свистнул, и ребята стали подходить к нам. В руках у них были камни.

– Проваливай, предательница! – повторил Стас и первым бросил камень в меня. Он попал мне в руку, и ее обожгло болью. – Пошла прочь!

– Проваливай! – раздались и другие голоса.

Я посмотрела на тех, кого считала своей стаей. Взглянула на Стаса, потом опять на друзей... в последний раз. А потом, с трудом волоча ноги, я поплелась прочь.

В меня полетели камни. Ударами обожгло бока, спину, ноги, руки и голову. Стас все кричал и кричал; его голос был насквозь пропитан болью. Так я ушла, униженная и изгнанная. Позже я еще много раз увижу Стаса; он будет преследовать меня, травить, идти по моим следам. Уже не мой друг. Мой враг.

Я брела по улице, ничего не видя от слез. В голове клубилась мрачная пустота. Я не знала, сколько прошло времени: десять минут, час, два? Я не соображала, куда иду и зачем.

Позже я много думала о том, почему Стас так возненавидел именно меня, а не своих мучителей. И поняла: он взрывался изнутри. Ему нужно было кого-то обвинить, обрушить на кого-то ярость. Он боялся своих мучителей, но не мог отомстить им. Он даже полиции не раскрыл правду, сказал то, о чем мне сообщила его мама: он не помнит мучителей. Я думаю, он скрыл, поскольку очень боялся чудовищ и старался забыть то, что с ним произошло.

Стасу было жизненно необходимо кого-то ненавидеть. И он выбрал меня. Ту, кто его бросил.

Я подошла к своему дому, когда уже совсем стемнело. Меня ждала бабушка, она начала что-то обеспокоенно говорить, но я молча ушла в свою комнату, заперлась. Опустилась на корточки – и тут увидела, что окно открыто.

Это было странно, я закрывала его, когда выходила в последний раз. Я посмотрела на кровать, и все внутри похолодело. Я встала, не отрывая взгляда от кровати, точнее, от того, что там увидела. Кролик. Пушистый кролик. Моя Умка.

Я как будто провалилась сквозь пол – глубоко-глубоко под почву, меня протащило через земную кору, затем через мантию. Дальше, пройдя через расплавленное ядро и снова через мантию и кору, я вышла на ту сторону. Где я оказалась? Там, в холодных водах Тихого океана, которых так боялась в детстве. Но не успела я вдохнуть побольше воздуха, как меня снова потащило вниз, на глубину, обратно. И вот я у себя в комнате. И все это за несколько секунд.

Умка лежала на подушке, укрытая одеялом, виднелась только голова. Она не шевелилась, а рядом на подушке белела записка. Я медленно потянулась к ней. Развернула.

КРОЛИК НЕ МОЖЕТ УСНУТЬ. СПОЙ ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ. СПОЙ, СПОЙ! СПОЙ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ КРОЛИКА!

Этот почерк... Я знала только одного человека, который писал бы так. Буквы заваливались влево, а не вправо.

Стас. Он задушил Умку.

Рядом валялась бельевая резинка, та самая, в которую мы играли в детстве. И я закричала – так громко, что практически оглохла от собственного крика. В мою комнату стала ломиться бабушка:

– Тома! Тамара, открой дверь!

Но я не открыла. Я кинулась к шкафу и принялась яростно выгребать вещи. Достала из-под кровати чемодан, стала бросать туда одежду. Бабушка все стучала, стучала и звала:

– Тома, что случилось? Томочка, прошу тебя, открой!

«Я больше не останусь в этом городе ни на минуту», – решение пришло мгновенно. Я бросала в чемодан одну вещь за другой. Я не знаю, нашла ли бабушка вторые ключи или просто выломала дверь, но наконец она вбежала в комнату, и тогда я крикнула вслух:

– Я не останусь здесь! Я переезжаю в Москву!

Бабушка усадила меня на кровать, обняла, стала укачивать как маленькую:

– Тш-ш-ш...

Она допытывалась, что произошло, но я не отвечала. Она увидела, что случилось с Умкой, но не заподозрила, что ее кто-то убил. Она решила, что Умка умерла сама: может быть, подавилась, а может, заболела. Бабушка поверила, что это я от помутнения рассудка уложила крольчиху на кровать и накрыла одеялом. А записку я спрятала.

Я больше не ходила в школу. Кричала маме по телефону, что хочу домой. Но понадобилось еще какое-то время на то, чтобы переехать: забрать документы, собрать вещи.

Я не говорила Дашке о произошедшем, но, когда перестала ходить в школу и отвечать на звонки, подруга сама забила тревогу. Она пришла и все выпытала – о том дне в лесу, о моем предательстве, о смерти Умки и о том, как Койоты бросали в меня камни. Я рассказывала ей все, сжавшись на кровати и занавесив лицо волосами. Когда я закончила, Дашка вдруг подошла ко мне и убрала прядки с лица. Взяла меня за подбородок, подняла мне голову.

– Ты не виновата, – сказала она. – Виноваты те монстры, и только они. И если Стас этого не понимает, значит, он тупой. Легко винить маленьких и слабых. А что же он в бараки не сунется и не накажет настоящих виновных? А я скажу почему! Потому что он трус!

Дашка выплеснула последние слова в сердцах, чуть ли не дрожа от гнева. А затем села рядом и положила голову мне на плечо. От нее вкусно пахло арбузным спреем для тела. Она взяла меня за руку, переплела наши пальцы.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, – грустно сказала она. – Останься со мной, пожалуйста. Я буду защищать тебя от него. Я обещаю.

Я закрыла глаза, не давая слезам вырваться на волю.

– Не могу, Даш. Мне здесь так больно. Я умру, если останусь.

– Я тебя вылечу! – Она порывисто обняла меня. Ее светлые волосы защекотали мне нос; арбузный запах стал сильнее. В отличие от меня она не пыталась прятать слез.

Но Дашке не удалось меня переубедить. Мама забрала документы и увезла меня в Москву, где я пошла учиться в новую школу.

После этого они с дядей Костей все так же ездили к бабушке на выходных, но я отказывалась. Мне устраивали допросы, выясняли причины. Что с моим настроением? Почему я не хочу в город, который раньше обожала? Меня таскали по психологам, но все без толку, я молчала. И родные решили, что все дело в смерти моего любимца. Умка же умерла там, у бабушки, в моей комнате. Потому мне и тяжело туда возвращаться. Так что теперь, чтобы увидеть меня, бабушке с дедушкой самим приходилось ездить к нам. Только через полгода скрепя сердце я согласилась навещать их, как раньше. Но каждый раз, когда машина останавливалась у «пряничного домика», я открывала дверцу, в панике осматривалась, выбегала наружу и мчалась к калитке. Пряталась как могла.

Мама хотела купить мне нового кролика, но я категорически отказалась. Нет. Хватит с меня домашних питомцев. И, конечно же, я старалась не думать о Стасе, надеялась, что тогда, у Бункера, я видела его в последний раз. Как же я ошибалась... Мысли о нем упорно лезли в голову. А по ночам я просыпалась в холодном поту от кошмаров, изо всех сил сжимала зубами краешек одеяла и захлебывалась в беззвучном крике.

Мне снились монстры – они обступали меня, тыкали горящими палками, а потом исчезали. Вместо них появлялись кролики – милые ушастые создания, десятки и сотни. Они лежали в колыбельках и не могли уснуть. Они пищали, пищали, и этот писк сводил с ума.

Я пела им колыбельную, и кролики переставали пищать. Они умирали.

КРОЛИК НЕ МОЖЕТ УСНУТЬ.

СПОЙ ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ.

СПОЙ, СПОЙ! СПОЙ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ КРОЛИКА!

Глава 5

Наученная горьким опытом, к дружбе я теперь относилась с большой опаской. Да и тяжело вливаться в коллектив, когда ты новенькая. Все в моем классе дружили давно и просто не замечали меня. Порой я задумывалась, относилась ли я к новеньким так же, когда училась в старой школе? Скорее всего, да. Я совсем не помнила никого из них. Но все равно я была рада побегу от кошмара. В Москве меня никто не тронет.

Я не скучала, так как с головой погрузилась в учебу и быстро пробилась в ряды хорошистов. Потом и количество четверок сократилось до трех – по русскому, биологии и истории. С русским у меня всегда была беда, а с историей и биологией просто не сошлись характерами с учителями. Они любили милых улыбчивых девочек-подлиз. Мое угрюмое лицо им определенно не нравилось.

Я стала ходить на балльные танцы. Поначалу мне там не очень нравилось – моим партнером была говорливая девочка, у которой сильно пахло изо рта. Но потом к нам пришел новенький мальчик, более приятный. Его поставили моим партнером, потому что я была самая низкая в группе, а он оказался на полголовы ниже меня. Постепенно танцы стали моей отдушиной. Я посвящала им много времени. Увлекалась я и чтением: все вечера сидела за книгами, вновь и вновь переживая чужие жизни.

С Дашкой мы переписывались по интернету, а когда я приезжала, она приходила в гости. В хорошую погоду она пыталась вытащить меня погулять, но я отказывалась, и мы сидели в саду. Я звала ее в гости в Москву, но ее не отпускали родители.

Она сообщала мне новости – о себе, о классе в целом и о Стасе. Позже, перечитывая историю сообщений, я с удивлением отметила, как же меняет нас время.

«Знаешь, Стас пришел в школу какой-то другой. Все это заметили. У него что-то с ухом, там огромный шрам. Смотреть противно. И говорят, что он этим ухом ничего не слышит. Правда, когда кто-то спрашивает его об этом, он очень злится. И сразу лезет драться. Поэтому его никто не спрашивает больше».

«Сегодня отменили биологию. Мы первый раз играли в бутылочку. Гаврилов очень клево целуется. Он сильно вытянулся и похудел. Надо бы к нему присмотреться».

«Купила первый лифчик. Мама хотела купить мне простой, без подушечек, детский, но я настояла, и мне купили взрослый с подушками. Смотрится круто – в нем грудь прямо такими шариками. Все девочки завидуют. Теперь буду кофточка с вырезом покупать».

«Купила тушь для ресниц. Глаза сразу такие красивые стали. Только мама увидела, наругала. Теперь крашусь в школьном туалете. А после школы там же все смываю».

«Стас сегодня в столовой распибал всех ребят в очереди. А когда кто-то стал возмущаться, избил его. Родителей Стаса вызвали в школу, но ему ничего не сделали. А потом стали ходить слухи, что его папа оплатил новые занавески в трех кабинетах».

«Гаврилов подарил мне цветок. Было приятно, но он все еще немного пухляш».

«Девчонки стали брать у меня тушь. И помаду. Классная увидела это, наругала. Сказала моей маме, мама все отобрала. Жалко. Дорого стоило».

«У нас новая географичка. Она самая настоящая мегера! Отрывается на нас, жестит по черному. У всех двойки. Ее все боятся и ненавидят. Все жалуются на нее и завучу, и директору, но те отмахиваются, говорят, наконец-то нашелся педагог, который нас может держать в узде».

«Гаврилов предложил встречаться. Но мне нравится Королев, но Королев встречается с Тополевой. А Тополева такая огромная, и он думает, что она его побьет, если он с ней расстанется. Поэтому он боится. И он мне сразу разонравился. А Гаврилов... Даже не знаю... Сказала, что подумаю».

«Встречаюсь с Королевым. Он все-таки решился и бросил Тополеву. Но целуется он хуже Гаврилова, а Гаврилов до сих пор дарит тайком цветы».

«Стас доводит географичку, она бесится. Все радуются – наконец-то кто-то дает ей отпор!»

«Сегодня на улице ко мне подкатил какой-то дядька на машине. Чувствовала себя ужасно – было страшно. Он что, педофил?»

«Ура! Географичка уволилась! Стас постарался, довел ее. Непонятно, как именно, но вся школа обсуждает, что это Шутов. Он теперь в школе как живая легенда, поклонниками обзавелся. Все ему благодарны, а он ходит по школе такой важный. Со свитой, как король. Ты знаешь, он один почему-то никогда не ходит. Только в компании».

«Стас стал часто драться. Гонять других мальчишек. Он поступает подло – с друзьями вдвоем-втроем нападают на одного. Один раз они так сильно мальчика побили, что родителей Стаса вызвали к директору. Его папа оплатил новый линолеум в коридоре».

«Стас сделал татуировку. Там, где шрам. Смотрится круто – вдоль уха акула. По Стасу все теперь сохнут. Девки любят плохих парней, а он этим пользуется – меняет их, как носки. Каждый день вижу, что он стоит с какой-нибудь девкой, а на следующий день она ходит по школе и ревет».

«Стас достает нашего новенького Ромку и еще нескольких ребят. Тех, кто молчит и терпит. Стас чувствует, что они никому не скажут. Сегодня Ромка после физры пошел домой в шортах. Я шла рядом и спросила, где его форма. Он рукой махнул. А на следующий день все стали фотки друг другу кидать по телефону – а там на фотке чью-то форму в толчок записали».

«Порвала с Королевым. Гаврилов стал встречаться с Абрамовой, но я хочу его отбить».

«В школе кошмар. Стас со своей бандой сегодня так одного пацана довели, зажали его в кабинете химии, а он взял и выпрыгнул из окна. Второго этажа. Это до какой степени нужно бояться Стаса? Я не понимаю. Я много думаю об этом. Вызвали родителей обоих. Полиция заинтересовалась. И даже журналисты. Не знаю, чем кончится это дело, но папаша Стаса явно не отвертится одной покупкой новых интерактивных досок для школы».

«Замяли как-то. Стаса перевели в другой класс. Ну и слава богу – не могла его больше выносить. Прикинь, он мне по башке двинул. Уж не помню, за что... Обозвал меня шалавой, по-моему. Слово за слово, и понеслось. А потом он рассердился и как двинет... Со всей силы. Было очень обидно».

«Ко мне подкатывает Опанасюк. Он вроде ничего, но уж больно смешные уши. Так что я делаю вид, что не замечаю его подкатов».

«Стас так изменился внешне. Повзрослел. Стал очень симпатичным. Хотя он и раньше был симпатичным. Но сейчас прям очень повзрослел. Подрос. Если б не был таким придурком, от девчонок отбоя бы не было».

Стас, Стас, Стас... Из тысячи мыслей, вертевшихся в моей голове, его имя попадалось в девятистах девяноста. Это пугало, и все же я ни разу не видела его за три года моей жизни в Москве – только на паре фотографий, которые кидала Даша. Но смотреть на это лицо было выше моих сил. И я перестала открывать их.

Я думала, что прошлое не вернется. Но я ошибалась.

* * *

По телу пробежали судороги. Я вздрогнула, проснулась и вытерла об одеяло мокрые ладони. Опять этот кошмар с кроликами...

Я зашла в ванную и долго брызгала на лицо холодной водой. Это немного привело меня в чувство. На часах 5:30. В школу вставать не надо – самый разгар летних каникул. Еще полтора месяца – и наступит новый учебный год. Девятый класс.

Я поняла, что уснуть не удастся. Взяла книгу, вышла на балкон, не глядя открыла страницу. Я прочитала уже пять страниц и только потом поняла, что читаю учебник по биологии. Размножение спорами. Хм. Чей он? Свой я вроде бы сдала. Я закрыла книгу.

Вернулась в комнату, долго ходила из угла в угол. Тербила волосы, прядку за прядкой. Посмотрела в зеркало. Взгляд какой-то потухший, глаза – как у голодной собаки. Вообще своей внешностью я всегда была недовольна: карие глаза – чересчур маленькие, лоб – слишком высокий, губы – уж больно полные. Ноги коротковаты, грудь маловата, живот мягковат, волосы все того же цвета мокрой пыли, пусть и отросли... Мне было четырнадцать лет, но выглядела я младше. Вот только по глазам – старше.

День обещал быть тяжелым: я собиралась к бабушке. Мама с дядей Костей должны были уехать куда-то на выходные, и добираться мне предстояло своим ходом. Я долго отказывалась, но бабушка уж очень просила приехать. В голове крутились неприятные мысли, которые никак не получалось прогнать. Что, если я натолкнусь на Стаса? Что, если?..

Полдня я шаталась по дому привидением, потом стала собирать рюкзак – медленно, пытаясь отсчитать отъезд. Но вещей было немного, я уезжала всего на выходные.

Я ехала на электричке. Натянула капюшон – я всегда так делала, когда хотела прислониться к стеклу в общественном транспорте, чтобы не подцепить вшей. Но в этот раз была и другая причина. Казалось, кругом враги и они могут узнать меня в любой момент.

Я сошла с электрички и пошла через лесопосадку – здесь обычно было меньше народу. Я подошла к дому бабушки со стороны леса, а не города. Быстро открыла калитку и прошмыгнула внутрь. Задвинула засов. Прислонилась спиной к забору и только тогда смогла выдохнуть от облегчения. Я в безопасности.

Прошло столько времени... Почему мысли о том дне не покидают меня? Я разозлилась на себя: вокруг что, война? Может быть, мальчик из детства даже не помнит меня... Плохое ведь забывается. Он мог забыть и о моем предательстве.

Вот только я не могла забыть его. И то, как сбегала, бросив его, и как залезла под одеяло в тот момент, когда его били. И я не могу забыть Умку, много думаю о ней. Ведь Умка была не только моим другом. Она была другом Стаса тоже. А он... убил ее?

Бабушка стояла на пороге, улыбаясь во всю вставную челюсть. Она очень любила, когда я приезжала, несмотря на то, что с ее работой – выпечка для праздников – скучать ей не приходилось. «Бизнес» был успешным: кто заказал хоть раз торт на день рождения, тот и потом что-то заказывал уже на другие мероприятия. Цены у бабушки были демократичными, а качество отличным, поэтому недостатка в клиентах она не испытывала. И работа приносила ей удовольствие.

– Томочка! – приветливо воскликнула бабушка. – Как ты поживаешь? Как мама с дядей Костей? Ты не приезжала так долго! – Бабушка укоризненно покачала головой.

Я вошла в дом и повесила куртку на крючок. Крючки были смешные, в виде собачьих попок с хвостиками. Сейчас подобные продаются повсюду, разноцветные пластмассовые крючки-попки можно увидеть в каждом хозяйственном магазине. Но наши – из дерева и металла. Их вырезал еще дедушка много лет назад, и для всех это было диковинкой. Все, приходя в дом, смеялись и просили такие же. Дедушка дарил их многим, и – кто знает? – может, кто-то и «слизал» его идею и занялся производством таких крючков.

Развязывая шнурки на первом ботинке, я рассказывала бабушке новости. Собственно говоря, рассказывать было нечего. Все как обычно. Второй ботинок я развязывала в полном молчании. Говорила уже бабушка, которую понесло в бесконечные истории о клиентах. Я слушала вполуха. Мне не было дела до чужих праздников, чужих жизней и сплетен.

Я вошла в кухню. Интерьер всего дома был очень простой, но кухня – шикарная. Просторное помещение оборудовано всеми технологическими новинками, мебель глянцевая, нежно-розовая. Столовая была выведена отдельной комнатой и по красоте не уступала кухне.

Здесь бабушка принимала заказчиков. Обычно на столе у нее лежало много всего – коржи, баночки с сахарными сердечками, звездочками, кружочками, вазочки с марципановыми цветочками. Но сейчас стол пустовал. Видно, у бабушки был выходной.

Какое-то время мне пришлось сидеть в кухне и слушать бабушкины истории. Но меня спас счастливый случай: ей кто-то позвонил, и, воспользовавшись этим, я быстро ускользнула в свою комнату. Разобрала сумку, переделалась в домашнюю одежду, собрала волосы в хвост. Снова прошла в кухню, открыла холодильник – чего бы перекусить?

– Тома, я сейчас котлетки пожарю! – раздался голос бабушки. Она больше не разговаривала по телефону.

Я улыбнулась. Обожаю бабушку. С ней не приходится делать ничего – сама все приготовит и еще в рот положит, разве только жевать приходится самой. Дома ситуация другая. Родные постоянно пропадают на работе, и готовить приходится мне на нас троих.

Вскоре передо мной стояли две тарелки: одна с аппетитными пухлыми котлетками, вторая – с салатом из огурцов. Я запивала все это томатным соком.

– Расскажи мне что-нибудь! – попросила бабушка. – Как ты там живешь? С кем дружишь?

Я застонала про себя – я же все рассказала, пока шнурки развязывала.

– Ну, у меня там есть друзья, – приврала я. – Мы ходим в парк, в кино... На роликах катаемся.

На роликах с одноклассниками мы катались всего один раз. И в кино ходили один раз. И то из-за того, что отменили три урока в середине дня, нужно было чем-то себя занять. А в парк мы не ходили ни разу.

– Это хорошо, что есть друзья, – кивнула бабушка, – это главное в жизни. Чем старше становишься, тем тяжелее найти новых. В школе легче всего заводить знакомства.

Ну, я бы так не сказала...

– А я тут вчера видела мальчика, ну, помнишь, ты играла с ним в детстве?

Вилка выпала у меня из рук. Я полезла под стол доставать ее, потом подошла к раковине и ополоснула. Вилка снова выскользнула из рук – на этот раз в раковину.

– И что? – тихо спросила я. Раньше бабушка не заговаривала о Стасе. – Как он?

– Ох, какой красивый стал... Такой красивый, не описать... Жалко, что хулиганит много. Но все они в этом возрасте такие.

– Хулиганит? – переспросила я.

– Да, встретила его маму. Говорит, сил с ним нету никаких. В школе жалуются на него, все время родителей вызывают. Говорят, обижает других ребят.

Я вздохнула. Дашка писала то же самое.

– А он поздоровался с тобой? – спросила я. Мне было интересно. Если да, значит, помнит и меня... Я прикусила губу.

– Поздоровался, а как же? Он всегда здоровается. Улыбается мне. Ох, какой же красивый парень! Вчера идет, рубашка расстегнута... Какие плечи, фигура... – Бабушка мечтательно добавила: – Эх, была бы я лет на шестьдесят моложе... – Тут она кокетливо засмеялась: – Эх, Тамарка, уведут парня! Я вижу, что он то с одной девочкой ходит, то с другой. У тебя преимущество есть – вы столько лет дружили... И чего разошлись? Гуляли бы сейчас под ручку да под березкой бы на лавочке сидели.

Вместе? Ни за что! Даже представить такое стыдно и противно. Он никогда не простит мне предательства. Так или иначе, бабушка подкинула мне ценную информацию – раз она здороваается с ним, значит, они пересекаются. Нужно быть осторожней, когда я буду уезжать.

После ужина я помыла посуду, потом мы посмотрели какую-то передачу, и я ушла к себе в комнату. Открыла окно. Вылезла на крышу терраски. Крыша была мокрая – недавно шел дождь. Мои тканевые тапочки мигом промокли. Было довольно зябко – на дворе поздний

вечер, солнце давно скрылось. По телу пробежала дрожь. Обхватив себя руками, я долго смотрела в звездное небо – оно было удивительно ясным. Я старалась ни о чем не думать. Просто не пускала в голову мысли. Когда зубы стали отбивать барабанную дробь, а ладони превратились в ледышки, я перелезла через окно обратно в комнату.

Я провела у бабушки три дня. Первые два прошли спокойно. Хотелось увидаться с Дашкой, но подруга укатила на море с родителями. На третий день случилась неприятность.

– Томочка, – сказала утром бабушка, – мне нужно посылку отправить тете Маше. Здесь кое-какие ее вещи остались, ей они очень нужны, а сама она не может приехать. Но я вся в делах... Тут недалеко, на соседней улице почта... Ну, ты, наверное, помнишь...

Я схватилась за прядку волос и стала завязывать ее в узел. Прямо напротив почты располагался магазин, где мы со Стасом в детстве покупали вкусняшки. Но я не могла отказать. И пошла.

Я надела джинсы и серую толстовку: погода выдалась прохладной. Натянула капюшон пониже, вышла за калитку и, чтобы уменьшить вероятность опасных встреч, пошла через пустырь. В итоге я вышла к почте с другой стороны. Только хотела толкнуть дверь, как увидела объявление: «Закрыто на ремонт». И адреса ближайших отделений. Я застонала – все далеко. Но делать нечего, придется идти. Я шла по самому краю дороги, пробираясь чуть ли не по кустам. Через двадцать минут дошла до почты, быстро открыла дверь, вошла внутрь и выдохнула. Я боялась открытых пространств, где была на виду. В четырех стенах куда безопаснее.

Я провела на почте полдня: сначала отстояла огромную очередь, затем заполняла бланк – переписывала его несколько раз из-за ошибок, – а потом мою посылку оформляли целую вечность. А когда я наконец вышла, то снова почувствовала себя неуютно. Я пошла другой дорогой – в обход, там, где менеелюдно. Начался дождь – колючий, холодный. Он становился все сильнее и сильнее. Моя толстовка вскоре промокла.

Я шла по дороге, черпая кроссовками лужи, – и вдруг за спиной послышался шум мотора. Мимо, обдав меня сырým ветром, на квадроцикле пронесся парень. Я не видела его лица, но по телу пробежала волна электричества. Ноги подкосились. Стас. Он не видел меня. Я не знаю как, но я всем телом почувствовала его присутствие.

Я не помню, как добралась до дома, как вбежала в комнату. Хотя Дашка была в роуминге, я сразу написала ей, спросила, есть ли у Стаса квадроцикл? Она ответила, что есть. Отец подарил, чтобы хоть чем-то отвлечь от жуткой тяги всех мучить. Тем же вечером, к большому огорчению бабушки, я уехала обратно, в далекую и безопасную Москву. На станции я забилась в самый дальний угол. И только в электричке выдохнула от облегчения.

Дома меня встретили хмурые мама с дядей Костей. Я испугалась – неужели я что-то натворила? Стала напряженно думать, но так ничего и не вспомнила.

– Томочка, – смущенно сказала мама. – Нам надо серьезно поговорить.

Ох, как я не любила подобное начало разговора. Хотя по их смущенным улыбкам и бегавшему взгляду было ясно: в этот раз накосячили они, а не я. Мы сели за кухонный стол.

– Тома, – начала мама, – ты же знаешь, у нас в последнее время трудно с деньгами.

Я кивнула.

– Дядя Костя хорошо получает, только работая по контрактам...

Я снова кивнула. Он часто уезжал в командировки, правда, всего на несколько дней. Я не понимала, к чему мама клонит.

– Ты же знаешь, я устроилась на новую работу, аудитором... а это вечные проверки, тоже командировки... Порой меня не бывает дома целую неделю.

Я насторожилась, начиная улавливать, к чему она клонит.

– Ты остаешься одна, а это не годится. Я вся на нервах на работе – как ты там?

Я сразу заспорила:

– Но я уже не маленькая! Мне четырнадцать! Я могу о себе позаботиться!

Мама только покачала головой и продолжила:

– Мы решили, что тебе будет лучше снова переехать к бабушке с дедушкой.

Внутри у меня все похолодело. Вернуться? А значит, пойти в свою старую школу? Туда, где учится Стас? Я вскочила, начала нервно ходить по помещению. Меня захлестнули возмущение и гнев.

– Нет! Мне не нужна бабушкина забота!

– С бабушкой тебе будет лучше, – настаивала мама. – За тобой должен присматривать кто-то из взрослых, я не допущу, чтобы ты жила одна круглые сутки.

– Но что? Что я сделаю? – отчаянно спросила я. – Подожду квартиру? Напущу полный дом наркоманов?

– Конечно, нет, – поспешно ответила мама, – мы так не думаем. Но все равно. Ты должна быть под присмотром. Да и тем более, – ее тон стал просительным, – твои бабушка и дедушка уже не молодые, им тоже нужна помощь. Вчера бабушка спину потянула, сетки из магазина несла.

Мое возмущение и гнев чуть улеглись. Я потупила взгляд.

– А дедушка на днях домой приехал на чужом велосипеде. Удивился уже дома. Сказал, что уезжал-то на своем! Просто в дороге, видимо, велосипед поменял окраску и модель.

Я прикусила губу. Мне даже стало стыдно. А ведь бабушке и дедушке действительно нужна помощь. Им вдвоем там тяжело.

– Они будут ужасно рады твоему возвращению, – добавила мама уже мягче. – Без тебя у них там жизнь – не жизнь. Ты их всегда радовала, а без тебя никакой радости и нет.

Я тяжело опустилась на стул. Я понимала: тут не о чем спорить, я и правда очень нужна бабушке с дедушкой. К тому же я ведь их так люблю... Может быть, мне у них будет не так плохо, как я думаю? Ведь не обязательно возвращаться в старую школу. В округе их три, можно пойти в любую из двух оставшихся.

Так что в конце концов я уступила насчет переезда, но с условием, что пойду в новую школу. Мама хоть и удивилась, но согласилась это организовать. Мы стали искать варианты, но, увы, в двух школах в округе девятые классы оказались переполнены. Места оставались только в моей старой. Еще, правда, нашлись места в школе в соседнем городе – но там классы простые, а не гимназические. Я была согласна, но маме шепнул кто-то из учителей, что простой класс в той школе равняется классу коррекции, и она впала в ужас. Да и вариант добираться сорок минут на автобусе не привлекал. И я опять уступила. Может, все обойдется? Прошло много времени, оно лечит. Стас мог измениться.

В любом случае у меня не было выхода. Мне пришлось возвращаться в прошлое. Я была послушной девочкой и не умела спорить. Даже когда мою жизнь разрушали.

Глава 6

Первого сентября я проснулась за полчаса до будильника. Когда я открыла глаза, сон как рукой сняло. Долго плескала на лицо водой. Руки немного дрожали.

Бабушка уже встала и делала в кухне очередной торт – белый, с сахарными фигурками лебедей на верхушке. Я знала это, потому что она показывала вчера эскиз. Пока что были готовы только бисквитные коржи.

– Доброе утро, ба, – поздоровалась я.

– Доброе утро, Томочка! Как спалось? Нервничаешь?

– Немного страшно, – честно призналась я, моя турку и наливая воду.

– Не переживай! Ты же там уже училась, тебе все должно быть знакомо... А ребята, я уверена, тебя примут, и ты быстро со всеми подружишься.

Ставя турку на огонь, я рассматривала причудливые узоры, напоминающие кошачьи мордочки. Я не стала делиться с бабушкой опасениями, никакими... Вода закипела. Я засыпала ложку кофе, подождала, пока пена поднимется, и сняла турку с плиты. Налила кофе, добавила молока. Села на краешек стола, чтобы не мешать бабушке. Она возилась со всякими мисочками. Я грела о чашку ледяные руки. Холодно. Почему так холодно? Вот-вот начнут стучать зубы.

– Съешь творожок, он в холодильнике, – предложила бабушка.

– Не хочется, – ответила я. Мысль о еде вызывала тошноту. – Где дедушка?

– Уже укатил на работу.

Бабушка стала напевать под нос какую-то мелодию. Пахло сладкой выпечкой, но если обычно этот запах вызывал аппетит, то сейчас от него тошнило. Я сполоснула чашку и пошла в ванную мыть волосы. Долго сушила их и вытягивала расческой, чтобы сделать более гладкими. Посмотрела в зеркало. Вроде бы прямые, только на концах немного вились.

Я взяла из комнаты белую рубашку и черные брюки, спустилась гладить. Погладила только рубашку, на брюки просто прыснула водой и разгладила руками. Оделась. Посмотрела в зеркало – выглядела как мальчишка. Рубашка длинная, свободная. Брюки строгие, зауженные снизу. Густо подвела глаза черной подводкой. Вот так лучше, хотя бы стала похожей на девчонку. Надела грубые черные ботинки на шнурках, накинула черную куртку из кожзама, взяла кожаный рюкзак. Готово. Но как же не хотелось выходить из дома!

Прежде чем открыть дверь, я немного постояла, собираясь с духом. Это тяжело – сделать первый шаг в логово к хищнику. «Слався, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» – почему-то вспомнились мне слова гладиаторов. «Ave, Caesar, morituri te salutant». Хм... В московской школе я учила латынь, но не помню, чтобы мы проходили такое.

Я попрощалась с бабушкой, услышала в ответ пожелание удачи и открыла дверь. Светило солнце, но было прохладно. Хорошо, что я надела куртку. Прежде чем выйти за калитку, я на всякий случай осмотрелась – не было никакого желания сталкиваться со Стасом нос к носу.

Я шла старой дорогой. Я помнила здесь все: что справа за углом огород, с которого каждое утро кричит петух, слева – сломанный грузовик, а прямо за ним – две влюбленные березы, ветви которых причудливо переплелись. Как будто я никуда и не уезжала. Ничего не изменилось. Грузовик по-прежнему стоял на своем месте, и березы никто не спилил. Их ветви сплелись еще теснее.

Я подошла к воротам школы. Все приятные чувства вмиг испарились, вернулись страх и отчаяние. Трехэтажное кирпичное здание. Последний шаг в прошлое.

На территории собралось уже довольно много народу. Я отошла от ворот и спряталась за гаражи. Нужно было дождаться Дашку. Она обещала прийти в половину, но уже без двадцати.

Через несколько минут я все же увидела знакомый серый фورد Дашкиного отца. Как-то он подвозил подругу ко мне, поэтому мне запомнилась эта машина. Она остановилась у ворот, и Дашка вышла – длинные стройные ноги, черные туфли, облегающая черная юбка и короткая кожаная куртка. Волосы были тщательно расчесаны, гладкие, блестящие, лежали волосок к волоску.

Дашкин отец тоже вышел. Они обнялись, перекинулись парой слов на прощание. Выглядел он, кстати, великолепно, как и всегда. Все девочки в классе мечтали иметь такого папу, а учительницы и мамы – такого мужа. А уж как его обожала сама Дашка! Она была чисто папиной дочкой, между ней и отцом царило удивительное, безоговорочное доверие. Ей вообще повезло: у нее классные родители. У Даши одной из первых в классе появлялись все самые модные игрушки, одежда, прочие вещи. Ее баловали, любили и при этом не изводили гипе-ропеккой. Если бы не видела своими глазами, не поверила бы, что такие родители могут существовать. Смотреть приятно на такие отношения... пусть и немного грустно.

Папа шелкнул Дашу по носу, она испуганно огляделась – не видел ли кто? – а потом шуточно пихнула его в ответ. Когда они наконец попрощались и Дашкин отец сел в машину, я вышла из укрытия.

– Тамаська! – Дашка кинулась обниматься. На каблуках она была на целую голову выше меня.

– Тш-ш-ш, – шикнула я, пытаюсь высунуть нос из могучей Дашкиной груди. – Пойдем внутрь. Не хочется торчать у всех на виду.

Мы зашли на территорию, и Дашка подвела меня к нашему классу. Некоторых я узнала сразу, некоторых нет. Из колонок доносилась песня «Учат в школе».

– О, смотрите, это Томка!

Ко мне подошла Светка, которая в начальной школе была нашей старостой. Она очень сильно похудела, но я узнала ее без труда – те же желтые волосы, та же улыбка и курносый нос. Следом ко мне повернулись с десятков голов.

– Всем привет, – растерянно улыбнулась я и помахала рукой.

Ребята оживились и наперебой закричали:

– О, это Томка!

– Томка, привет!

– Ты чего такая мелкая, все не растешь? Ешь растишку и морковку!

– Морковку люблю, а вот творог терпеть не могу, – засмеялась я, расслабляясь.

Было безумно приятно, что они помнят меня и рады мне. Тем временем музыка стихла, и вскоре началась торжественная линейка. На крыльцо вышли несколько учеников и учителей; директор напыщенно заговорил в микрофон:

– До свидания, лето! Здравствуй, родная школа! С праздником, дорогие ребята, уважаемые учителя, мамы и папы! С Днем знаний! С новыми надеждами и успехами!

Он передал микрофон старшекласснику. Тот медленно и четко произнес:

– Школа, внимание! Для вноса государственного флага Российской Федерации, флага области и нашего города стоять смирно! Внести флаги!

Заиграл марш. Трое старшеклассников торжественно вынесли флаги. У меня закружилась голова: среди них шел Стас, в черном костюме и белой рубашке. Он очень изменился, бабушка не обманула. Пиджак облегал его фигуру, подчеркивая широкие плечи и узкую талию; светлые вьющиеся волосы были слегка растрепаны; в ярко-голубых глазах читались гордость и уверенность. А улыбка ослепляла.

Я спряталась за какого-то высокого мальчика, чтобы меня не было видно в толпе. Интересно, Стас уже знает, что я здесь? Бабушка могла сказать о моем возвращении тете Тане из соседнего дома. А тетя Таня – что-то типа сарафанной радиостанции.

Я смотрела на Стаса – со страхом, но без ненависти. Интересно, какой будет наша встреча? Что он скажет мне? Вспомнит, как обещал убить? Я не знала. Могла только гадать.

После линейки нас повели в кабинеты, и классная руководительница, низенькая и полная химичка Инна Александровна, поставила меня перед всем классом.

– Дети! Хорошая новость! Тamarочка Мицкевич снова переехала к нам!

По рядам пробежал гул одобрения. Никаких перешептываний и тычков. Неужели у меня появилась возможность начать школьную жизнь с чистого листа? Я улыбнулась, а классная стала рассказывать о новых правилах и расписании. Еще через некоторое время нас отпустили.

– Погнали в Толькин двор отмечать! – крикнул Слава Королев, симпатичный парень с выступающим подбородком и низко нависающей на глаза челкой.

В классе он всегда числился остряком. Это с ним встречалась Дашка, а потом порвала. И судя по взглядам, которые Слава на нее бросал, его чувства так и не остыли.

– Да, пойдете! – подхватил Егор Опанасюк, высоченный парень со смешными ушами, торчащими как спутниковые антенны.

Я помнила Егора. В начальной школе мы дружили, если можно назвать дружбой плевание друг в друга ягодами из компота. А еще Егор дружил со Стасом и был в отряде Койотов. Интересно, он до сих пор с ним?

– Так! – взревела Инна Александровна. – Королев! Опанасюк!!! Чтобы никаких «отмечать»!

– Поняли, поняли! – Егор развел руками. – Все по домам, по стакану молока, печенье и баиньки!

– Вы до инфаркта меня доведете, – проворчала учительница.

Мы вышли из класса. Я с опаской посмотрела по сторонам – никого.

– Дашка, Том, вы идете? – спросил подошедший к нам Егор.

Мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь, например, что помнит меня. Но он смотрел и будто не узнавал. Дашка кокетливо поправила волосы.

– Куда же вы без нас? – Она взглянула на меня. – Тамась, идем?

Я кивнула.

– Рома! Рома Цаплин! Ты куда пошел? – крикнул Егор, видя, как какой-то паренек пытается сбежать. – С нами пойдешь!

– Я не могу, у меня бабушка...

– Бабушки в такое время смотрят «Битву экстрасенсов», – назидательно сообщил Егор. – Им не до внуков. Пойдем, посидим!

Парень смущенно топтался на месте, смотрел как-то затравленно – будто боялся нас. Крепкий, низкорослый, с пухлыми щеками, бровями-половинками и ежиком волос. Я не узнавала его – очевидно, он пришел после моего отъезда. Я с любопытством смотрела на этого паренька, даже не подозревая, что скоро он станет моим другом. И братом по несчастью. Егор приобнял паренька за плечи, мягко увлек за собой, и только тогда тот сдался.

– Это, кстати, Рома, – представил мне его Егор.

Мы пошли на улицу – я, Дашка, Егор, Рома и еще ребята, всего около десяти человек. Толин двор оказался ближайшим к школе, хотя я пока даже не знала, кто такой Толя. Тут же был магазин.

– Так... – Егор критически осмотрел всех. – Кастинг на покупателей выпивки объявляется открытым. Чур я жури. Так, Вов, ты самый высокий, кастинг ты прошел успешно.

– Я тоже, я тоже буду жури! – воодушевленно воскликнул Слава. – Дашка, выходи вперед, у тебя самый внушительный бюст.

Дашка подошла к Вове. Я увязалась за ней, но Егор остановил:

– Томас, стоять, с твоим ростом тебе даже пряник не продадут.

Я поджала губы. Все засмеялись.

– Рома, выходи вперед, – продолжил Егор, – у тебя плечи – два метра вширь, точно прокатит. Ладно, хватит.

– Эй, я тоже пойду! – завозмущалась Светка.

– Ну уж нет! – покачал головой Слава. – Ты нам все испортишь. Нету сисек – нету доверия старшины-продавщицы. Итак. Заказывайте, кому что. И скидывайте бабосы.

– Мне то же, что и себе, – сказала я Дашке, протягивая деньги. Мама оставила мне не слишком много, а вот бабушка и дедушка расщедрились.

Вскоре ребята вернулись, гремя бутылками в черных пакетиках. Дашка протянула мне «Редс».

– Я нам по три взяла, – сказала она и отдала сдачу. – И еще сухарики. И кальмаров.

Мы расселись на лавочке. Все не поместились. Егор заботливо уступил Дашке место, встал рядом. Я бросила на траву рюкзак и села на него. Слава, последовав моему примеру, бросил Дашке под ноги свой рюкзак и приземлился на него. Дашка завозмущалась, что он уселся ей на стопы. Слава отодвинулся на пару сантиметров, глянул на меня и сказал:

– Томас, ты можешь косить под пацана. Ну, под очень хорошенького. У тебя лицо – уни-секс.

– Знаю, – усмехнулась я.

– Не обижай мою Тамаську! – оскорбилась Дашка и шлепнула его по макушке ладонью. – И ничего она не похожа на пацана.

Но я не обиделась.

– А вот и похожа, – начал спорить Слава. – Волосы спрятать, так вообще вылитая!

Егор вдруг натянул на меня капюшон, который скрыл мои волосы, и внимательно взгляделся в лицо:

– Ну и где же? Я вот вижу хорошенькую девушку.

Я смутилась. Слава шутил, а Егор отреагировал чересчур серьезно.

Вдруг послышались шаги и голоса. Кто-то явно шел к нам. Подул ветер, и я сразу почувствовала: враг близко. Я не видела, кто шел, но знала: Стас среди них. Я сжалась, низко опустила голову и прижала бутылку к груди – как будто она могла мне помочь.

Ребята посмотрели в сторону идущих, многие помрачнели. Егор поднялся с травы и встал возле сидящих на лавочке. Вид у него теперь был такой, будто он собрался от чего-то нас защищать. Чужая компания приближалась сзади, и чтобы все видеть, мне приходилось оборачиваться. Голоса стали громче. Ромка вскочил с лавочки.

– Сиди ты! – Егор положил ему руку на плечо и усадил обратно. – Не тронут.

Лицо Ромки стало очень бледным. Он явно боялся. Егор с опаской посмотрел на меня и тут же отвел взгляд. Мне это не понравилось. Со спины уже подошли люди. Надо мной послышалось:

– Здорово всем.

Не понадобилось и секунды, чтобы понять, чей это голос – низкий, с хрипотой. Я резко отвернулась. Попыталась уменьшиться и врасти в траву. Может, в капюшоне меня не узнают? Стас сделал несколько шагов вперед. Я теперь видела его со спины.

– Здорово, – сказал Егор и протянул Стасу руку. Тот пожал ее.

Я больше не шевелилась, не видела тех, кто стоит за спиной, и не хотела видеть. Судя по всему, их было человек пять-семь.

– О, Дынька, и ты здесь? – Стас подошел к Дашке и бесцеремонно потрепал ее за щеки.

– У меня имя есть, – огрызнулась она и шлепнула его по рукам.

– Дашка, Дынька, какая разница? Как твои дыньки? – Он ущипнул ее за грудь.

Дашка взвизгнула: «Дурак!» и двинула ему кулаком. Он только усмехнулся, и это прозвучало отвратительно. Все остальные затихли. Атмосфера стояла напряженная.

Стас перешел к Ромке и ущипнул за щеку уже его:

– О, моя шляпа, ты тоже здесь! Отъелся за лето, а?

Ромка сжался и закрылся руками.

– Моя жирная шля-япа, – протянул Стас с издевкой и погладил Ромку по голове, потом повернулся к Егору. – Егорыч, погнажи к Ваську на дачу, а? Чего ты тут торчишь с этими детишками? Хватай Дашку и дуйте к нам. У нас там круто будет.

Стас все еще стоял ко мне спиной.

– Да не, я пас, – ответил Егор.

– Дынька? Погнажи на дачу? – Стас ущипнул Дашку за коленку.

– Да никогда в жизни, только если на твои похороны, – фыркнула Дашка, тряхнув волосами.

– Ну, как хотите. – Стас сделал шаг назад и... споткнувшись об меня, упал на траву.

Кто-то засмеялся. Я вжала голову в плечи.

– Твою ж мать! – выругался он. – И что у нас тут за грибок?

Он сел передо мной на корточки, и я увидела вблизи его лицо. Огромные голубые глаза – прозрачные, холодные, уголки век чуть вздернуты. Полные, плотно сжатые губы. Он сидел, повернувшись полубоком. Его правое ухо, со шрамом и татуировкой, было скрыто от моего взгляда.

– Опа! Это не грибок. – В улыбке обнажился ряд белоснежных крупных зубов. Я не понимала, узнал он меня или нет. – Это человек. Кто ты, гномик? Мальчик или девочка?

Я молчала.

– Отвечай, когда старшие с тобой разговаривают. А то злобный дядя сделает тебе больно. Очень больно, – последние слова он прошипел.

Я задрожала и пискнула:

– Девочка...

– Стас, не пугай народ, а? – устало сказал Егор.

– Отвали, – отмахнулся он, протянул ко мне руки и осторожно снял капюшон. – Вот, теперь я вижу, что девочка.

Он пристально смотрел мне в глаза. «Я знаю тебя. Я помню, что ты сделала. И я не прощу. И никогда не прощу» – вот что говорил мне его взгляд.

– Ты что, новенькая? – спросил он.

«Зачем? Зачем ты ведешь эту игру?» – отвечала я взглядом.

– Да.

– Как тебя зовут?

«Ты помнишь. Ты же все помнишь».

– Тома.

– Та-ма-ра, – пропел он по слогам и улыбнулся, – что ж, буду иметь в виду. Рад познакомиться, Та-ма-ра. – Он протянул руку. Я неуверенно подала свою. Он сжал ладонь так, что мне стало больно. Высвободиться я не смогла. Казалось, я услышала треск костей.

«Добро пожаловать в ад» – вот что говорила его акулья улыбка.

Наконец он отпустил меня. Никто не заметил ничего необычного. Никто, кроме Егора: тот подошел к Стасу и потряс его за плечо.

– Не пугай новенькую. Ладно, мы все закаленные, но она пока свежачок.

Стас нехотя поднялся на ноги и велел своей компании:

– Ладно, парни, валим на взрослую тусовку.

Они ушли. Я потирала ладонь. Пальцы тряслись, костяшки покраснели.

– Что, Ромка, в штаны наложил? – весело спросил Егор.

Ромка покачал головой. Он все еще был бледным.

Постепенно в нашей компании снова воцарилась дружеская атмосфера. Ребята начали болтать. Они смеялись, что-то кричали, Дашка носилась за Егором вокруг лавочки. Светка смочила волосы Ромки пивом и делала ему ирокез. Ромка улыбался.

Я снова надела капюшон и легла на траву.

Вот она – первая встреча со Стасом, которой я так боялась. Надежда на то, что он все забыл и мы снова можем стать друзьями, рассыпалась в пыль и разлетелась по ветру. Я стала думать о Ромке. Ромка... Видно, про него говорила Дашка. Новенький. Любимая игрушка Стаса. Надо присмотреться к нему получше. Мы все-таки в одной лодке.

Через некоторое время кто-то сел рядом. Я повернула голову и увидела Егора.

– Хочешь что-то спросить? – обратился он ко мне.

– Нет...

Егор хмыкнул.

– Врешь. Ладно, постараюсь сам угадать твои вопросы. С какого момента начать историю? – Он вздохнул. – Наверное, с того дня, когда мы прогнали тебя из отряда...

Один вопрос у меня все же был.

– Ты кидал камни? – Я посмотрела ему в глаза.

– Что? – не понял он.

– Камни. В меня летели камни. Ты кидал?

Егор помедлил, но кивнул.

– Кидал, – виновато ответил он. – Но с тех пор столько воды утекло, что...

– Тебе не нужно оправдываться. Мне просто нужно было знать, кидал или нет.

Я ведь не винила Егора. В тот момент невозможно было не кинуть. Приказ командира. Тебя изгонят из отряда, если ты не слушаешься.

Егор немного помолчал, прежде чем продолжить:

– Я недолго пробыл с ними. Откололся от Койотов, уж больно они стали агрессивными. Но это не испортило нашей дружбы. Я иногда прихожу к ним в компанию, они принимают меня как своего, но я больше не чувствую себя Койотом. Ты можешь не бояться меня. Я – единственный из них, кого тебе не следует бояться.

– А остальных – стоит? – судорожно сглотнула я.

– Да, – тихо сказал Егор. – Стас... сильно изменился. Зря ты приехала, тебе придется не сладко. Я постараюсь тебе помочь, как помогаю другим, но... – Он посмотрел на Ромку, потом на меня. Покачал головой. – Один я ничто. Я могу просто пожелать тебе удачи и дать совет – держись от Стаса подальше. Ты не представляешь, на что он способен.

Я вздохнула. Кому, как не мне, знать это.

Егор встал и пошел к ребятам. Я все лежала на траве и смотрела на пролетающий в небе самолет. Вот и все. Как же далеко теперь от меня безопасная и уютная Москва... Я вспомнила взгляд Стаса. Его глаза – холодные, жуткие.

«Я помню. Я знаю. Я не простил. Это – только начало...»

Глава 7

Первый учебный день (день знаний я не считала учебным) начался с истории. Мне повезло: по дороге в кабинет я не встретила Стаса. Мы с Дашкой заняли четвертую парту среднего ряда. Моя подруга снова надела ту сногшибательную мини-юбку.

В класс вошла Ольга Константиновна, обладательница асимметричного каре и громкого звящего голоса. Раньше она у нас ничего не вела, но почему-то я ее запомнила.

– Привет, дети, просыпаемся, просыпаемся! – бодро заговорила она. – Лето прошло, надеюсь, все хорошо отдохнули. Открываем книжечки... – Она склонилась над учебником. – Так, по плану у нас государство и российское общество в конце XIX – начале XX веков. Введем в программу небольшие изменения. Так как по какой-то причуде министерства уже к концу сентября надо сдать рефераты про Революцию 1917 года, первые несколько параграфов про Николая II вы сейчас быстренько изучите самостоятельно, вплоть до Русско-японской войны, и перейдем к реформам...

Я стала читать учебник. Дашка запрыгала на стуле, двигаясь ко мне поближе.

– Ты сильно расстроена? – спросила она шепотом.

Я читала про партию социалистов-революционеров и не поняла, о чем она.

– Да нет... Николай II, конечно, не самый любимый мой царь, пункты про него плохо запоминаются, а во всех этих партиях, революциях и политических терках приходится запоминать кучу фамилий, но бывали параграфы и похуже...

– Да я не об этом! – возмутилась она. – Я о том, что тебе приходится учиться в одной школе со Стасом.

Дашка смотрела на меня с жалостью. Что тут было ответить?

– Я не расстроена. Я в ужасе.

– Не переживай! Мы что-нибудь придумаем, – ободряюще пообещала она, толкнув меня плечом. – Мы ему покажем! Я же не дам тебя в обиду!

– Да? И что же ты сделаешь? Зафлиртуешь его до смерти? – немного резко ответила я, вспомнив, как вчера он ее лапал.

Дашка обиделась и запрыгала от меня к проходу. Мне стало стыдно. Она же не мой охранник. Не боец. У нее нет черного пояса по карате. Я вздохнула:

– Ладно, сама разберусь. Это моя проблема, не бери в голову...

Даша посмотрела на меня сердито.

– Я же сказала, мы что-нибудь придумаем. Я тебя ему не отдам.

Всю оставшуюся часть урока она рисовала в моей тетради сердечки и цветочки.

После истории я спустилась на первый этаж и переписала расписание Стаса – решила выучить его, чтобы свести к минимуму наши встречи. На русском мы с Дашкой играли в морскую бой. На обществознании с мальчишками с задней парты играли под столом в футбол комком смятой бумаги. Иногда я посматривала на Ромку. Он сидел в одиночестве за четвертой партой первого ряда, на переменах тоже ни с кем не общался. После урока нигде не задерживался, короткими перебежками перемещался из кабинета в кабинет и забивался за парту.

– Большая перемена. Идем в столовую? – спросила меня Дашка после урока.

Я испуганно посмотрела на нее. Она дернула плечом.

– Да-да. Стас ходит в столовую на этой перемене. И что? всю жизнь, что ли, прятаться?

Пока мы пробирались через толпу в коридоре, я то и дело вставала на цыпочки и напряженно всматривалась вперед. Стаса и его стаи нигде не было. В столовой мы взяли по два пирожка с капустой и яблоком и чай, сели за дальний столик друг напротив друга, и я попросила Дашку:

– Расскажи мне о Ромке. Что у него со Стасом?

Она пожала плечами.

– Да особенно ничего. Стас выбрал его в качестве своей новой игрушки и достает. Не пытайся даже искать там какую-то длинную слезливую предысторию, как у вас с ним. Все просто. «Моя жирная шляпа» – вот как называет его Стас. Ну, ты уже слышала. – Дашка откусила пирожок.

– Да-да... – Я сделала глоток чая, сморщилась – он был очень горячим. Я подула на него. – А что Ромка? Пытается бороться?

Дашка подняла палец, прося меня подождать, прожевала и усмехнулась:

– Бороться? Со Стасом? Для него это нереально, он не боец. Раньше Ромка общительный был. Его принимали во все компании. А потом раз – и все. Когда все поняли, что Стас положил на него глаз, его стали сторониться. Никому не хочется заразиться... Ну, ты понимаешь.

– Заразиться?

– Ну... Они думают, если будут общаться с Ромкой, то Стас потом и на них переключится. А никому этого не надо. Вот его и сторонятся.

– А Егор? – Я вспомнила, как Егор вчера уговаривал Ромку пойти со всеми. – Он ведь сам позвал его... Ромка не напрашивался. А потом Егор защищал его от Стаса.

– Егор молодец. Он один такой. Стас относится к нему хорошо, поэтому он и не боится заразиться. Егор жалеет всех этих несчастеньких, ну, типа Ромки. Пытается вернуть их в коллектив.

Я услышала шум – кто-то пинком открыл дверь в столовую. С королевским видом вошел Стас, а за ним, чуть поодаль, шли еще несколько человек. На Стасе была черная рубашка, заправленная в брюки. Рукава закатаны по локоть. Ну просто рок-звезда.

Они громко смеялись. Выходящая из столовой учительница сделала им замечание, но Стас ее проигнорировал. Едва они вошли, в столовой стало тихо. Они растолкали очередь и пролезли к окошку первыми, потом вышли из толпы с подносами. Стас оглядывал столы, выбирая лучшее место. Я сжалась, попыталась уменьшиться до размеров стакана с чаем, но не вышло. Стас заметил нас и расплылся в улыбке, что-то сказал друзьям, и они пошли к нам. На наш стол с шумом опустились подносы. Я резко вскочила.

– Сядь, гном. – Стас сзади схватил меня за плечи и опустил на место.

Он обошел лавочку и сел справа. К Дашке подсели его друзья.

– Привет, Дынька, – обратился он к Дашке.

– Столько столов, обязательно к нам надо было подсаживаться? – сморщилась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.